

Анна
Чайковская

**ТРИУМФ
КРАСНОЙ
ПЕРАНИ**

Анна Чайковская
Триумф красной герани

«Автор»

2026

Чайковская А.

Триумф красной герани / А. Чайковская — «Автор», 2026

Мир поздно познакомился с Будапештом. Город это расцвёл во второй половине XIX века, но тогда этого никто не заметил. Кроме, может быть, австрийцев. Но те предпочли промолчать. Прочие же всё так же грезили Парижем. Потом начался век XX, и всем стало не до Будапешта. Может, и к лучшему: как раз в нынешнем XXI-м город возвращает себе тот, чуть было не утраченный в двух мировых войнах, облик. А характер – характер у этого города есть!

© Чайковская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Из прекрасной эпохи, с любовью	5
Вокруг Иштвана	6
С чего все началось	6
Анекдот в тему	8
Торт Отечества	9
Кофе к торту	11
Геллерт	12
Выбор Венгрии. Историческое отступление	15
Вертикальная Буда и горизонтальный Пешт	17
Любовный треугольник. Елизавета, Франц Иосиф, Будапешт	19
Рождение Австро-Венгрии. Отступление в жанре исторического анекдота	21
Елизавета и Елизавета	23
Житейское	25
Сапоги императора	26
Елизавета, Франц Иосиф, Будапешт. Продолжение	29
Романтики и зануды	30
Инкубатор народов	32
Мальчики с улицы Пала	33
Императорская дача	35
Тысячелетие в центре Европы	38
Завоевание Родины	38
Поиск родни. Путешествие монаха Юлиана	40
Характеристика	41
Завоевание Родины. Продолжение	42
Про язык	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Чайковская

Триумф красной герани

Из прекрасной эпохи, с любовью

В Будапеште есть античные руины и фрагменты готики, есть немногочисленное, но милое барокко и совсем скромный, хотя и любопытный классицизм. Но все это – дело десятое, приправа к основному блюду. Главное в Будапеште – наследие «прекрасной эпохи», следы довоенного времени, и слово «довоенное» здесь имеет только одно значение: до Великой войны, до 1914 года. Скажем прямо: Будапешт интересен не том, что он столица Венгрии. Ведь и Венгрия, как ни очаровательна, все же – не пуп земли, честно говоря. Речь о другом.

Будапешт – это Европа, какой она была бы, если б в 1914 году ничего не случилось.

Пожалуй, эта единственная европейская столица, где «прекрасная эпоха» настолько наглядна, ощутима и жива. Это не «следы», не «памятники». Будапешт, в отличие от постоянно меняющегося Лондона, от сменивших состав населения Парижа и Вены, от дважды переродившейся Москвы и трижды переименованного Петербурга, так и живёт в XIX веке. Если не духом, то телом города Будапешт демонстрирует основательность и правильность того «золотого века», что совпал здесь с эпохой Австро-венгерской. Демонстрирует наглядно: каждым зданием Пешта, с витражами и мозаиками, каждым почтовым ящиком дизайнера XIX столетия, каждым двориком, где сохраняются кованые ограды и деревянные перила довоенных времён (это слово здесь чаще означает Первую мировую, чем Вторую). С удивительным для постороннего взгляда смирением вся здешняя современная архитектура сознательно держится на шаг позади старой. Она появляется в центре города только в том случае, если ранее стоявшее здание погибло в войнах; она не высовывается ни вширь, ни вверх, воспроизводя габариты исчезнувшего сооружения, а и большинстве случаев работает зеркалом, предоставляя отражаться в своих стеклянных стенах настоящим хозяевам города – зданиям времён Австро-Венгрии.

Рассматривать город поучительно: в Австро-Венгрии страна прожила полвека, с 1868 до 1918, и в социализме полвека, с 1949 до 1989. Духом Австро-Венгрии при этом город пропитан весь, а следов социализма – ещё поискать. И занимательно, конечно: город задаёт множество загадок не архитектурно-исторического даже, а именно по-человечески обывательского порядка – как мирно жить с соседями? чем завтракать? как радоваться жизни? не болеть? как не давать лишней воли начальству? И на каждом перекрёстке, за каждым углом выдаёт ответы. Только слушайте.

Вокруг Иштвана

С чего все началось

Нулевая точка венгерской истории дана зрителям в наглядных зрительных ощущениях. На площади Героев у основания тридцатишестиметровой колонны стоят семь бронзовых всадников во главе с князем Арпадом, спиной к уральской прародине, лицом к западу. Они пришли на берега Дуная в 896 году, а через тысячу лет, в 1896 году, на этой площади страна праздновала тысячелетие собственной истории, установив здесь и этих всадников, и бронзовых национальных героев в двух монументальных колоннадах чуть позади. К этому монументу и в особенности к 1896 году мы будем возвращаться не раз, поскольку тут что ни концепт, то с двойным дном – и герои не совсем те, и всадники выглядят не так, но начать стоит с самого наименования праздника. Венгрия отмечала тогда Тысячелетие обретения родины, *Nonfoglalás*. Юбилей приобретения, даже «завоевания» родины, как утверждают иногда словари. Вот так.

Да, в дополнение к непонятному языку, к привычке произносить сначала фамилию, а потом имя (а имя жены писать, прибавляя к имени (не фамилии!) мужа частичку *pé*), к манере измерять покупаемый кусок колбасы не граммами, а декаграммами, деками, Венгрия отличается от соседей ещё и своеобразным отношением к собственной истории. Обычно народам приятнее лелеять мысль о том, что они – исконные хозяева своей земли, что они здесь – издревле, и что всё вокруг принадлежит им испокон веков. Венгры же предпочитают помнить: «Мы пришли».

По сути, это была последняя, припозднившаяся на два столетия, волна Великого переселения народов. Или пролог к сегодняшней глобализации, гонящей по миру людей, информации, товары и идеи. Хотелось бы сказать, что венгры благожелательно относятся к пришельцам, но научная добросовестность не позволяет: Венгрия XX века не знает большой миграции из мусульманского мира и, стало быть, полную проверку эта благожелательность ещё не прошла. Зато в её истории имеется пример внятно сформулированного мнения по данному вопросу, предельно авторитетного – большего авторитета и придумать невозможно – и достойного того, чтобы быть процитированным полностью.

«Откуда изначально преобразалась Римская империя и вознеслись к славе римские правители, если не из многих прекрасных и мудрых людей, что устремились туда из различных провинций? ... Ибо, приходя со всех концов провинций, чужестранцы приносят с собой всякие наречия и обычаи, оружие и научные знания и тем украшают и возвеличивают королевский двор, а самоуверенные сердца врагов изрядно устрашают. Воистину, слаба и недолговечная страна, где один язык и одна мораль. Поэтому завещаю тебе, сын мой, дай им пропитание своею волей и окажи достойный приём, пусть живут у тебя с большей радостью, нежели где-нибудь в другом месте (*Proptereo tubeo te, fili mi! Ut bona voluntate illos nutrias et honeste teneas, ut tecum libentius degant quam alibi habitant*)».

Это святой Иштван из династии Арпадов, первый король Венгерского королевства, учит наследника государственной мудрости.

Есть в христианском пантеоне святой – покровитель иммигрантов? Иштван Венгерский – наилучшая кандидатура, честное слово.

Существование в центре Европы небольшого пришлого народа зависело в том числе и от того, будет ли найден верный тон взаимодействия с соседями. Много всяких кочевнических волн, вплоть до монголов, на этих же берегах появившихся в XIII веке, выплёскивались с ази-

атских просторов в Европу, но не всем удалось построить и сохранить свою государственность. Венграм удалось.

Упомянутый король Иштван – фигура вполне символическая. Он был потомком Арпада в пятом поколении и, следовательно, замыкал собой до-европейскую, азиатскую праисторию мадьяр. При этом он стал первым королём, то есть начал историю государственную, европейскую, оседлую. Христианскую. Коронован был то ли в 1000, то ли в 1001 году: обе даты красивые, обе позволяют связать начало венгерской истории с началом нового тысячелетия от Рождества Христова. Но это ещё не все. Иштван был так любезен, что скончался в 1038 году 15 августа, а папа римский Григорий VII столь дальновиден, что, канонизировав венгерского короля в 1083-м, днём святого Иштвана объявил 20 августа. Тут число месяца, 15-е ли, 20-е ли – не важно. Важно, что это конец лета, финал августа, пора окончания сельскохозяйственных работ, время, когда все земледельцы всей страны вытирают пот со лба и садятся за стол. Это праздник не из календаря, а из «порядка вещей», как говорили в пушкинские времена. Бывало, день святого Иштвана пытались запрещать, как австрийцы после подавления венгерского восстания в 1849 году. Праздничные мероприятия запретить можно, но невозможно ни проигнорировать, ни отменить этот перелом в годовом цикле. Лето кончилось, урожай собран, новый хлеб испечён – рубеж пройден. И в социалистические времена праздник этот пытались нейтрализовать, скромно именуя Праздником нового хлеба, но ликвидировать его совсем, похоже, не пытались даже и самые атеистические или антимонархические правители.

Однако и это не всё. Похоронен был король в Секешфехерваре, городе, тогда служившем королевской резиденцией. Однако далее дела повернулись таким образом, что от тела короля была отделена мумифицированная правая рука. Затем последовало в XVI веке турецкое нашествие, разрушение усыпальницы, обретение руки Иштвана в Дубровнике в 1590-м и возвращение в Венгрию в 1771 году. Теперь Szent Jobb, Святая Десница, хранится в драгоценном ковчеге в Базилике святого Иштвана в качестве первейшей реликвии страны, не столько религиозной, сколько государственной, формируя национальную идентичность фактами истории, наглядными, как таблица умножения.

Начало истории государства – с первого года нового тысячелетия. Главный национальный праздник отмечает собой важнейший для земледельческой страны момент годового кругооборота. И, наконец, единственный достоверный фрагмент мощей первого короля – рука, причём правая, то есть правильная и праведная, та, которой держат меч и кладут крестное знамение. Кажется, историю Венгрии сочиняли хорошие драматурги...

Анекдот в тему

Идут, стало быть, финно-угры с Урала на запад. Доходят до развилки дорог и видят камень. А на камне надпись: «Кто, мол, в одну сторону пойдёт, тем – болота, комары да селёдка в море. Кто в другую пойдёт, тем – виноград, Дунай и горячие источники». И те, кто умел читать, пришли на Дунай.

Торт Отечества

День 20 августа, конец лета – рубеж, очевидный для земледельца, но, как выяснилось, и горожанину он внятен точно так же, хоть по иным симптомам и знакам: в конце августа заканчивается высокий сезон, разъезжаются потихоньку иностранные туристы, толпившиеся на улице Ваца и галерее Рыбацкого бастиона. Зато возвращаются из отпусков местные жители, привозят от бабушек-дедушек отвыкших от школы детей, и город вступает в своё лучшее время. Лето не то что бы заканчивается, но осторожно начинает напоминать, что когда-нибудь оно все-таки, пожалуй, закончится. Солнце перебирается в созвездие Льва. Все, что могло и должно было цвести и плодоносить, уже благополучно отцвело и принесло плоды в своё время, и впереди – осень, и школа, и отпуск заканчивается. Хотя пока не верится.

В конце августа действительно что-то меняется в воздухе, в ритме жизни, в настроении. В 2006 году в этот же день, в праздник, как раз во время вечернего фейерверка, над городом пронёсся ураган, ломавший деревья и сметавший торговые палатки. Сотни людей тогда были ранены, пятеро погибли. Сейчас на набережной, на будайской стороне, на месте рухнувшего на людей дерева, стоит памятник, не похожий ни на что другое в городе – деревянный, будто сделанный по детскому рисунку, с плачущими птицами и лицом-солнцем. Так что трудно отделаться от ощущения, что главный венгерский праздник отмечают и высшие силы. По-своему.

С недавних пор, с 2007 года, день святого Иштвана стал отвечать на вопрос «Кто мы, откуда пришли и куда идём?» ещё более определённо и внятно, чем раньше. Раньше тоже разнообразных символических акций хватало: торжественно выносили на площадь ковчег со Святой Десницей, пели и плясали, устраивали вечером над Дунаем фейерверк, про который зрители каждый раз говорили: «Это что... Вот в прошлом-то году!..» Теперь же у праздника есть еще один аспект, уже совсем не религиозный, и даже не исторический, зато настолько точно выражающий характер страны, что его появление выглядит едва ли не саморазоблачением, самохарактеристикой народа настолько честной, что диву даёшься.

В этот день страна выбирает себе символ. Торт.

Перед праздником кондитеры Венгрии представляют специальному жюри свои произведения – авторские торты, соответствующие заранее определённым критериям. Жюри пробует и выбирает. Затем, вытерев губы салфеткой, объявляет: «Торт страны на текущий год – этот». И до следующего дня святого Иштвана государственный флаг, красно-бело-зелёный, будет осеять собой каждый кусок «тортов Венгрии» в лучших кофейнях страны.

Здесь нужно оценить по достоинству степень откровенности народа, избирающего себе такой символ. Есть страны, где, чтобы понять дух и душу, нужно обратиться к национальной поэзии или философии. Про Англию, например, все расскажет её инженерия, в том числе социальная, но по английской кулинарии выводы о характере страны можно делать лишь от противного. Было бы столь же ошибочно судить о Венгрии по её инженерным решениям, хотя и тут, надо сказать, страна оказалась на редкость откровенной. Перед вступлением в Евросоюз в Будапеште установили самые большие в мире песочные часы, которые предполагалось переворачивать раз в год. Так вот, эти песочные часы – не ходят. Не все страны отличаются особыми талантами в сфере механики и техники, но кажется, никто ещё не говорил этого о себе с такой определённойостью.

Другое дело – еда. Те, кому случалось провести в венгерской столице хотя бы день, согласятся: при взгляде отсюда гедонистическая идея торта как «символа страны» уже не кажется чрезмерно категоричной. Для города, где, например, купальни с горячей водой и ночным молодёжными дискотеками носят имя государственного деятеля, «лучшего из венгров», Иштвана Сечени, это, пожалуй, даже ожидаемо. Есть ведь что-то логичное в том, что символом куртуазной Франции служит Марианна, правда? Для венгров, разместивших в сказочном замке в

столичном парке Сельскохозяйственный музей, а на барельефах Национального банка изображивших стада коров и овец, для потомственных земледельцев, знающих толк в колбасах и сладостях, возвести в статус подарка любимому Отечеству не что-нибудь, а торт – шаг вполне последовательный. В конце концов, ведь именем святого Геллерта, первого христианского просветителя страны, здесь назвали – вы будете смеяться – тоже купальни. Так как же не назначить именно торт символом страны?

Кофе к торту

Спрашиваешь чашечку кофе – уточняют, какого. Просишь кружку пива – несут, какое есть.

Это не пивной и не чайный мир – винный и кофейный. На фразу «Чай пью» здесь реагируют вопросом «Болеешь?». Чая в культуре нет настолько, что нет своего слова. Венгры, придумавшие собственные названия интернациональным понятиям «кино» и «парламент» (mozi и országgyűlés соответственно), чай называют, честно прочитывая по одной английские буквы: «т-э-а».

Геллерт

«Геллерт» – это купальни, а также гора, у подножия которой они находятся, а также святой покровитель Венгрии. Именно в такой последовательности: купальни, гора, святой.

Итак, купальни. Купальни «Геллерт» были построены между 1912 и 1918 годами, то есть из шести лет строительства четыре пришлось на время Первой мировой войны. Здание с куполами на Будапештской стороне, над Дунаем – это и отель (тогда – самый роскошный и модный, какой только можно было тогда себе представить!), и купальни; вместе, в одном сооружении. Внутри бассейны с термальной водой (центральный – под стеклянным сводом), мозаичные орнаменты на стенах, разноцветные витражи, статуи, резные каменные колонны, постаменты которых покрываются прозрачной корочкой солей и минералов, растворенных в воде, льющейся со всех сторон.

Купальни слишком важны для Будапешта, слишком многое в нем объясняют, чтобы можно было ограничиться в этой книге одним-двумя упоминаниями. Мы к ним (и в них) ещё вернёмся.

Гора. Купальня стоит у подножия горы, на которую забираются туристы, устав от плотной цивилизации города, поняв, что несколько перебрали концентрированной «австро-венгерскости», и надо передохнуть. Там камни, трава, сплетающиеся кронами деревья, и наверху – Статуя Свободы. В том, что будет сейчас о ней рассказано, фактической правды – примерно половина, остальное вымысел, но не случайный.

Задумывалась статуя, если верить городской легенде, как памятник Иштвану Хорти, сыну адмирала Хорти, правителя Венгрии в годы Второй мировой. Как известно, воевала Венгрия на стороне фашистской Германии. Но после разгрома под Сталинградом её правительство все чаще задумывалось о том, что из войны, уже почти проигранной, надо как-то выходить. Дело дошло до тайных переговоров с союзниками. Но ещё в августе 1942 года не вернулся из авиapolёта на Восточный фронт 38-летний Иштван Хорти, лётчик и официальный преемник отца на посту главы государства. Летом 2012 года российские поисковики объявили, что нашли под Воронежем обломки самолёта Хорти. Самолёт не был сбит – ни зенитными орудиями, ни в бою. Это была авиакатастрофа, и вряд ли случайная. Так или иначе, но Хорти-старший заказывает памятник в честь погибшего сына. Скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль принимается за дело и ваяет этакую Мать-Родину с пропеллером в поднятых руках – лётчик же погиб. Но дальше, как рассказывает легенда, а мы слушаем, ситуация сложилась интересная: скульптор почти закончил работу, когда в Будапешт вошла Красная армия, а в мастерскую к скульптору – маршал Ворошилов. «Чему памятник?» – «...Освобождению Будапешта Красной армией!». «А пропеллер зачем?». Тут надо напомнить, что Климент Ефремович Ворошилов был кавалеристом, конником, и всю эту технику-механику не жаловал. Надо полагать, нахмурился. Скульптор и тут не растерялся: «Сделаем!» – и, переделав скульптуру, дал в руки статуе пальмовую ветвь как символ мира. Статуя была установлена на вершине горы Геллерт в 1947-м и названа «Освобождение». На постаменте имелась надпись: «В память о советских героях-освободителях...», а перед постаментом первоначально стояла большая бронзовая фигура советского солдата с автоматом. Первый раз бронзового солдата сбросили во время революции 1956 года, но после её подавления вернули на место. А в начале 1990-х, когда Венгрия окончательно прощалась с соцлагерем, все советские памятники в Будапеште были перенесены в Memento Park на окраине Буды. Скульптура солдата с горы Геллерт – тоже. Статуя же с тех пор носит иное имя – не «Освобождение», а «Свобода», что несколько иначе расставляет акценты, даже если не знать, что свобода по-венгерски szabadság, и что тем же словом называется отпуск: Szabadság vagyok – «Я в отпуске».

Легенда всё врёт. Большинству горожан она стала известна из фильма 2000 года под названием *Anyád! A szünyogok*, что приходится переводить как «Мать твою, комары!». Фильм – про двух великовозрастных оболтусов с мелкими криминальными наклонностями, нечто среднее между «Джентльменами удачи» и «Карты, деньги, два ствола». Приятели Капа и Пепе вызываются в уголовные затеи, но ни интеллекта Остапа Бендера, ни родовых традиций Бени Крика за ними нет, и потому ничего существенного у них не получается. В финале, забравшись на гору Геллерт, они ни с того, ни с сего устраивают дискуссию про статую – вот тогда и появляется анекдот про погибшего лётчика и творческую инициативу советского командования. Впрочем, рассказывали такое и раньше. Скульптор был весьма огорчён и показывал эскизы неосуществлённого памятника Иштвану Хорти – да, не похоже.

Но легенде не нужно быть истинной, чтобы оставаться справедливой. Готовность следовать руководящим указаниям за скульптором (безусловно талантливым и заслуженно прославленным) водилась и художественным успехам, как оно обычно и бывает, не способствовала. В 2011 году выяснилось, что скульптурная группа во Дворце культуры им. Франко в Кировском районе Донецка – восторженно глядящие ввысь мужчина (с молотком) и женщина (со снопом) при детях-пионерах с гирляндой цветов: «Великому Сталину от благодарного венгерского народа» – тоже работа Кишфалуди Штробля.

Во всей этой ситуации любопытен баланс между желанием ликвидировать неприятные воспоминания и сохранить историю страны. Бронзового солдата сняли – но не переплавили. Статую власти подумывали было снести – население воспротивилось. Недоступный иностранному уху нюанс переименования снял пафос, избавил от отношения к монументу как к сакральному идолу и освободил новые поколения от чувства вины. Парадоксальным образом чувство ответственности от этого лишь усилилось, но об этом – после.

Святой покровитель. Имя горы – Геллерт, но это уже венгерская форма, *Gellért*. Католический мир знает его как св. Герарда Венгерского, а изначально его имя звучало как Джорджо Сагрето. Жил он в Венеции, происходил из семьи, стоявшей близко к власти. Соответственно, и его ожидала церковная карьера – однако ничто не предвещало такую! Будучи уже приором бенедиктинского монастыря, он отправился в паломничество в Святую землю. Но случился шторм, корабль прибило к острову, где ему и пришлось провести некоторое время, находя утешение в беседах с такими же бедолагами, среди которых оказался аббат из Венгрии. Это 1015 год: пятнадцать лет тому назад принял крещение король Иштван, и венгерское христианство не насчитывает ещё и одного поколения. Аргументацию венгра нетрудно вообразить: страна находится в состоянии первого и самого решительного выбора «Европа или Азия?», вчерашние кочевники к усвоению Евангелия не готовы, королю, занятому внешней политикой, налогами и армией, не разорваться, и помощник нужен. Опять же, стать просветителем целого государства – это ли не карьера! Геллерт является к венгерскому королю, становится учителем королевского сына Имре и епископом земель на юге Венгрии, но гибнет без малого семидесятилетним, когда после смерти Иштвана восставшие язычники сбрасывают его с горы в Дунай в бочке, утыканной гвоздями. Так заканчивается его земная жизнь, и начинается небесная: канонизирован Геллерт был уже в 1083-м, и с тех пор считается покровителем Венгрии.

Статуя Геллерта с крестом в поднятой руке стоит на горе его имени, на фоне колоннады, правее купален, его же именем названных, ниже статуи Свободы. На другом важном месте города, в колоннаде площади Героев, стоит бронзовый святой Иштван, и, если пренебречь разделяющих их расстоянием, можно заметить, что статуи перекликаются, взаимно дополняя друг друга. Король Иштван на площади Героев держит крест в левой руке, а в правой, в той самой Святой Деснице – меч. Иштван – прежде всего государь, правитель, политик. Недаром он без колебаний и раздумий – вспомним выбор вер святого Владимира – принимает христианство западного обряда, поскольку оно означает коронацию папой Римским, следовательно – признание короля легитимным правителем, а его страны – равноправным участником *Coegrus*

Christianorum. Крещение Иштвана, до того носившего имя Вайк, означало вхождение венгров в Европу, а христианство служило входным билетом. Бронзовый Геллерт на горе, названной его именем, крест держит в правой. Меч в правой руке у правителя, крест в правой руке у святителя – логично. Будь статуи ближе друг к другу, взаимодополнительность персонажей прочитывалась бы еще яснее.

Выбор Венгрии. Историческое отступление

Самое интересное, пожалуй, в этой стране, помимо красоты и приятности Будапешта, – урок геополитики, преподносимый венграми. Не будучи европейцами по рождению, пришедшие сюда с Урала, мадьяры Европу выбрали. Сознательно или нет, единодушно или в спорах, однократно или с периодическим ренегатством, но – выбрали.

Первый раз – когда пришли на Дунай. Не они первые. Так же приходили в Европу в своё время и франки с алеманами, и гунны, которых венгры одно время считали своими предками. Но вот монголы, скажем, как пришли, так и ушли. И о пребывании их на берегах Дуная, тут, на территории Будапешта, сообщает лишь легенда, венграми записанная. Сами же воители Чингисхана, хоть и ступили на земли бывшей Римской империи и Римской цивилизации, не заметив её, откатились обратно – на Восток, в степь, в варварство. Венгры же пришли и остались.

Второй раз – приняв христианство. Первому королю венгров важно было стать не просто правителем, а правителем легитимным; легитимность же давало признание Римом. И вот уже прапрапра-внук кочевника Арпада получает корону из рук легата папы римского Сильвестра II. Политический, цивилизационный смысл этого акта очевиден, религиозный – вторичен; нерв религиозной жизни здесь спокоен, крупными учителями веры страна похвастаться не может, антирелигиозные кампании и при коммунистах известных границ не переступали.

Третьим актом европейского выбора венгров можно считать ситуацию борьбы с Османской империей. Первая венгерская катастрофа, битва при Мохаче, в 1526 году прервала поступательное развитие государства, оказавшегося под властью турок-мусульман. Проводить ли параллели с Ордой и Русью? Два века, XVI и XVII, в созидательной истории страны ушли псу под хвост; Венгрия тратила силы на безнадёжные восстания и безуспешные войны, но от выбора не отступилась и азиатским государством не стала.

Далее – фокус создания Австро-Венгрии, этого «предварительного эскиза» Евросоюза. Можно сколько угодно говорить о том, что идеальным это государство не было, что оно, как Кощей, караулило собственную смерть – в игле, игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце; читай «в дуализме». Но формулировка Андрея Шарова и Ярослава Шимова, описавших Австро-Венгрию как пример «умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия», подозрительно смахивает на характеристику государства, максимально совершенного, – в несовершенном мире и с несовершенными людьми.

Пятый раз выбор был сделан в 1989 году. Страна, социалистической считавшаяся только приличия ради, создавшая строй, почти официально называвшийся «гуляш-коммунизм», от членства в СЭВ и Варшавском договоре получавшая едва ли не сплошные пряники, не возражавшая против характеристики «самый весёлый барак в соцлагере», распрощалась с соцлагерем в одночасье. В венгерском языке есть понятие *rendszer váltás*, «смена режима», но нет мифологии этого события. Смена режима обошлась без театральных декораций: без клятвы в зале для игры в мяч, без речей с броневика, без штурма Парламента. Правящая партия уступила власть. Это тот самый случай, когда по видимости рассказывать-то не о чем, но на самом деле надо бы проштудировать и законспектировать: каким образом совершать революции, не проливая ни единой капли крови?

Как водится, равномерным и поступательным движение в Европу не было: история – не физика. Но любопытно, что этапы противостояния Венгрии Европе все же выглядят не как поворот обратно – мол, «знать вас не хотим, у нас особый путь». Скорее, как пауза в движении: упёрлись и на понукания только огрызаются. Это упрямство ребёнка, который знать-то знает, что взрослый прав, но слушаться не желает.

Так, похоже, выглядели отношения Венгрии с Австрией в XVIII веке, когда венгры долго упирались в ответ на попытки австрийских чиновников ввести тут нормальную, то есть фор-

мальную, на бумаге прописанную, юриспруденцию, и каждый магнат почитал своим законным правом вершить суд и расправу в собственных владениях по собственному усмотрению, а не по писаным бумажкам. Это коллизия «Женитьбы Фигаро» Бомарше, только застрявшая на столетие.

Собственно, мысль о торможении, о нежелании бежать впереди паровоза Европы, приходит в голову на любой будапештской улице. Здесь застыл XIX век, точнее – «мирные времена», бékésidő, то нормальное время, когда Европа развиваться-то развивалась, но в сумасшествие Великой войны ещё не впала. Тут почтовые ящики на улицах – дизайна 1880-х, летом на маршруте по набережной – трамвай 1912 года изготовления, квартал за кварталом – застройка второй половины XIX века. И состав населения пока – тот, довоенный, не разукрашенный разноцветьем, известным по Парижу и Вене. И здание Парламента, в архитектурном смысле очевидно ориентированное на Парламент в Лондоне, отличается от Вестминстерского дворца принципиальным отсутствием Биг Бена: торопиться, следить за минутами – не венгерское это дело.

Выбор сделан, да. Выбор – Европа, да. Но – не впереди, не на лихом коне. В обозе, с гуляшом и гусиной печёнкой, с опереттой и купальнями (вот уж место, навсегда отбивающее охоту торопиться куда бы то ни было), с кружкой пива и бокалом вина.

Но – выбор сделан.

Венгрия – особенная страна, да.

Вертикальная Буда и горизонтальный Пешт

Буда и Пешт. Это прочитывается при первом знакомстве с городом, с первого взгляда: город состоит из двух частей, и они – разные. Объединение состоялось 1 января 1873 года, когда в единый город превратились Буда, Пешт и городок Обуда (Старая Буда) на будайской же стороне. Но и зрительно, и по сути, и в городской мифологии город делится не натрое, а на двое: на холмистую Буду на одном берегу Дуная и равнинный Пешт на другом.

Столицей всегда была Буда (по крайней мере, когда этот статус не переходил к Секешфехервару, Вишеграду или Пожони). И всегда на вершине холма возвышался замок... Правильнее было бы назвать его Кремлем – но первые путеводители по Будапешту писались тогда, когда Кремль был только один-единственный, с красными звёздами, тот, стены которого утро красит нежным цветом, и распространять это имя на страну сомнительной социалистичности казалось, вероятно, кощунством. Хотя могли бы использовать слово «акрополь»...

Главное здание нынешнего будайского замка, или кремля, Королевский дворец с позеленевшим куполом, стоит на том же месте, что и его средневековые предшественники. Построенный при королях Анжуйской династии, расширенный при Сигизмунде Люксембургском (венгры зовут его Жигмундом) и богато украшенный при Матьяше, замок устремлял к небу шпили и башни, властно возвышаясь над окрестностями, где копошились занятые своими мелкими делами подданные. Народ – внизу, у подножия; власть – наверху, на горе.

Но зрителю, смотрящему на панораму Буды с пештского берега, видно: выше купола королевского дворца поднимается шпиль церкви Матьяша, являя собой наглядную иллюстрацию к тезису Августина Блаженного о том, что духовная власть выше светской.

Далее тот же внимательный наблюдатель заметит, что выше и дворца, и церкви, на вершине соседней горы Геллерт располагается малосимпатичное плоское сооружение. Днём, против солнца, его и не разглядеть толком, а вечером есть на что посмотреть и кроме этого бетонного прямоугольника. Так что в глаза оно не очень бросается, но, будучи замеченным, встраивается в общую картину, исполненную глубокого смысла. Это австрийская крепость, цитадель, по-венгерски Citadella. Император Франц Иосиф возвёл её в 1854 году, после подавления революции 1848–1849 гг., с тем, чтобы держать под прицелом Пешт. Нынешнее здание концертного зала Вигадо, кстати, построено на месте предшествовавшего, разрушенного как раз в ходе обстрела с горы. До той революции на вершине горы работала обсерватория, основанная по распоряжению эрцгерцога Иосифа, палатина Венгрии, в начале XIX века; в 1815 году обсерваторию посетили император Российский Александр Павлович, император Австрийский и король Прусский, о чем упомянуто в «Записках» Александра Ивановича Михайловского-Данилевского. Обсерваторию австрийцы уничтожили и возвели цитадель, которую венгры совершенно справедливо считали символом абсолютизма и тирании. Но – не сносили. Поставлено – пусть стоит. А то, что она напоминает о превосходстве грубой военной силы над дворцом и храмом, никого не смущает, поскольку своим присутствием она напоминает о важных страницах национальной истории и заодно приучает на жизнь смотреть без иллюзий.

Но и это не всё. Выше и дворца, и храма, и крепости поднимает к небу пальмовую ветвь статуя Свободы, которую, как мы выяснили, при желании можно считать статуей Отпуска, что характеру города тоже не противоречит.

Такова Буда: наглядно иерархическая, холмистая, вертикальная.

А Пешт – плоский. Столь очевидной в Буде физической иерархии он не знает. Попытка забраться повыше и поплёвывать на тех, кто внизу, здесь невыполнима технически. Вся городская застройка выглядит как ровно подстриженный газон, или – подбирая более правильное, гуманистическое сравнение – как толпа горожан, не слишком различающихся по росту. Исключение сделано лишь для массивов Базилики святого Иштвана и здания Парламента. Небоскрё-

бов нет, и выше карниза Базилики поднимаются лишь шпили да немногочисленные робкие десятиэтажки советских окраин. Единственное действительно высокое сооружение, 89-метровое здание Университета Земмельвейса, построенное в конце 1970-х гг., для следующих поколений архитекторов стало примером нарушения городской гармонии – как показывает это краткий фильм *Theoretical Block*, снятый венгерским архитектором и художником-визуализатором Ароном Лоринцем. В нем башня университета продолжается над облаками и, проткнув атмосферу Земли, уходит в космическое пространство. Пешт – мир рынка (Центральный рынок – на Малом бульваре в Пеште) и коммерции (здесь же сувенирно-ресторанная улица Ваци), мир горизонтальных отношений и социальных связей. И демократии: в конце концов, демонстрациям оппозиции удобнее ходить по пештским улицам, чем взбираться по будайским холмам.

Символическая, верховная власть и сейчас – в Буде. Белое здание в два этажа (по-европейскому счету – в один), стоящее справа от королевского дворца – это резиденция президента страны. На холме, то есть на возвышенности, то есть – над всеми; хотя власть у президента Венгрии номинальная, но место власти, как и велит традиция – наверху. Парламент же, где идёт ежедневная работа и ежедневная же борьба – на пештской стороне. Демократия рифмуется с плоскостью пейзажа, как иерархия с горами.

Бинарная оппозиция Буды и Пешта структурирует время: Буда – история, прошлое (недаром Буда помнит своё старое немецкое имя, *Ofen*); Пешт – современность, настоящее. В Буде сохраняются следы минувшего: тут и древнеримский город Аквинкум, и кости мамонта в витрине торгового центра *Mammut*, то есть «Мамонт», и памятники турецких времён: купальни XVI века, могила последнего будайского паши Абдурахмана, мавзолей дервиша Гуль Бабы. Монументы советской эпохи свезены со всего города сюда же, на будайскую сторону. Здесь хорошо предаваться меланхолическим воспоминаниям о великом прошлом. Буда – прошлое. И ещё Буда – осень: «...осенью тон задаёт Буда. Молчание города нарушают в эту пору лишь далёкие звуки военного оркестра из беседки на том берегу да стук падающих на тропинки у замка случайных каштанов. Осень и Буда рождены одной матерью» (Д. Круди).

Для молодого будапештца пространство жизни – Пешт. Здесь располагается большинство корпусов восемнадцати будапештских университетов, здесь уже знаменитые на всю Европу ромкочмы, то есть молодёжные бары во двориках старых домов в Еврейском квартале, здесь множество улочек, сквериков и кафе, где так удобно знакомиться и проводить время. Здесь же, в Пеште, надо заводить свой первый бизнес. А если и семья, карьера и деньги добыты и обеспечены, – самое время купить участок земли в Буде, где-нибудь на Швабхеде или на горе Геллерт, построить собственный дом, завести свой виноградник и с чашечкой кофе в руке поглаживать за завтраком на Пешт – сверху вниз. Там, под пеньем птиц, хорошо растить детей, вероятно. Но дети вырастают – и спускаются в Пешт. Там интереснее.

Для иностранцев же разница объяснена в молодёжном слогане на майке: *Buda is the best, we are living in the Pest!*

Любовный треугольник. Елизавета, Франц Иосиф, Будапешт

Будапешт естественно сопоставлять и сравнивать с другой столицей Австро-Венгрии, Веной. И первое же бросающееся в глаза существенное различие между двумя дунайскими столицами заключается в том, что Вена почитает и императора Франца Иосифа, и супругу его Сисси. Будапешт же делает вид, будто никакого мужа у обожаемой горожанами Елизаветы не было вообще.

В городе нет ни одного памятника императору, ни одной памятной доски, улицы или площади его имени. В сочетании с богатством топонимов, связанных с Елизаветой (а тут имеется район Елизаветы, бульвар Елизаветы, площадь, мост и три улицы Елизаветы: Erzsébetváros, Erzsébet körút, Erzsébet tér, Erzsébet híd, Erzsébet utca), выглядит это несколько неожиданно. Кажется, добродетельную Марию Терезию венцы не любили так безоглядно, как любили будапештцы взбалмошную и не желающую исполнять обязанности императрицы Елизавету. Это любовь.

Памятник императрице Елизавете установлен в Буде, в сквере возле моста её имени. Мост сейчас выглядит совершенно не по-будапештски: лёгкая функциональная конструкция 1960-х чужеродна в городе, чей золотой век пришёлся на вторую половину XIX столетия. Строился же он на рубеже XIX и XX веков в пару мосту Франца Иосифа, ныне называемому мостом Свободы, зелёному, с фигурами птиц на башнях, – нарядный, изящный, женственный. Он был разбит в войну и восстановлен уже в новых формах. Так мост Елизаветы сменил облик, но сохранил (в отличие от моста Франца Иосифа) имя.

Памятник изображает Елизавету задумчиво сидящей на скамейке. Лицо её невесело – повод для создания памятника к веселью не располагал. Императрица погибла от руки террориста 10 сентября 1898 года, и Будапешт немедленно заговорил о том, как должным образом почтить её память. Были немедленно собраны деньги и проведены конкурсы скульптурных работ. Причём денег-то собрали с запасом, а выбрать подходящий вариант долгое время не получалось: все эскизы казались недостаточно выражающими любовь горожан к императрице, слишком помпезными и официальными. Только по окончании Первой мировой войны очередной, пятый, конкурс дал результат, и была выбрана скульптура Дьёрдя Залы (уже прославившегося Монументом Тысячелетия). Открывали памятник в 1932 году, на Пештской стороне города, причём статуя императрицы оказалась скрыта внутри павильона-ротонды, специально построенного возле Приходской церкви. Во время Второй мировой войны памятник отправился на склад, откуда был извлечён уже в 1986 году и установлен на своём нынешнем месте, на будайской стороне.

Эта история отчасти объясняет нынешнее вечное одиночество бронзовой Елизаветы. Транспортная развязка моста – не самое подходящее окружение для него, и сам сквер – не самое удобное место для прогулок. А печаль на лице императрицы, похоже, имеет и другое объяснение. В Будапешт она приезжала именно за радостью – за душевным весельем, за свободой, за беззаботностью. Она была из тех, кто не умеют создавать эту радость себе сами. Будапешт стал для императрицы необходимостью.

Елизавета и Франц Иосиф – двоюродные. Для Габсбургской монархии, живущей под девизом *Bella gerant alii, tu telix Austria, nibe*, подобное не редкость. Познакомились они, когда ему было восемнадцать, а ей одиннадцать. Познакомились, и – ничего не произошло. Восемнадцатилетние юноши обычно равнодушны к одиннадцатилетним девчонкам, да и не до того скоро стало только что взошедшему на престол императору: венгры устроили ему революцию. Дальнейшая история известна: через пять лет энергичная матушка Франца Иосифа взялась

устроить его брак с принцессой Еленой, собственной племянницей, но тот увидел её сестру Елизавету и влюбился. Эрцгерцогиня Софья возражать особенно не стала: какая, в самом деле, разница: та племянница или эта? Свадьбу сыграли 24 апреля 1854 года, и для девочки в шестнадцать лет началась жизнь супруги императора Австрийской империи, короля Богемии и апостолического короля Венгрии – жизнь, к которой она была совсем не готова.

Печальные подробности заточения вольной красавицы в «золотой клетке» Габсбургского двора многократно пересказаны женскими журналами. Ничего выходящего за рамки жизненной банальности: конфликт снохи и свекрови, отягощённый неумением снохи выполнять свои обязанности и нежеланием свекрови снижать уровень требований. Франц Иосиф любил жену и почитал мать, но на горе обеих, был озабочен прежде всего теми обязанностями, к которым призывал его не брачный венец, а императорская корона. Его тоже можно понять: у него на руках империя, очень непростая, исполненная противоречий, разрываемая сепаратистскими наклонностями народов; одни венгры чего стоят. Можно понять и эрцгерцогиню Софью: монархия держится традициями, и стать императрицей, значит взять на себя целый круг весьма серьёзных обязанностей – и кто, если не она, должен обучить этому сноху? Легче всего понять саму Елизавету: она к этой роли оказалась просто не готова. Как скажет позднее австрийский доктор Ганс Банкль, «Она думала прежде всего о себе. С удовольствием пользовалась выгодами, которые приносило высокое положение, но не желала исполнять обязанности, связанные с этим положением».

Основная задача императрицы – обеспечить монархию наследником, но и с этим Елизавета справлялась не очень удачно. Двое первых детей её – девочки, а долгожданный сын Рудольф родился, когда Елизавета уже полностью капитулировала перед свекровью. Сдалась, оставила двухлетнего мальчика на воспитание эрцгерцогини Софии и первый раз надолго уехала из страны. Более она воспитанием сына не занималась.

Образ жизни Елизаветы с точки зрения той эпохи должен был выглядеть неподобающим для императрицы, а её поведение – безответственным. В конце концов, у австрийцев ещё стоял перед глазами пример Марии Терезии, полноправной и деятельной вечно беременной правительницы, родившей шестнадцать детей, похоронившей шестерых из них, но вырастившей двух императоров. Елизавета этому примеру категорически не соответствовала...

И тут на сцену выступает Венгрия. Буда, политически оппозиционная по отношению к Вене, семейную оппозиционность Елизаветы по отношению к венскому двору восприняла с пониманием. Императрицу с искренней радостью встречали в Буде и Пеште, Елизавета отвечала признательностью, венгры с удовольствием принимали признательность за поддержку, и в ответ на эти ожидания она действительно их поддерживала. По крайней мере, в самом важном деле – в деле государственного переустройства.

Рождение Австро-Венгрии. Отступление в жанре исторического анекдота

Стало быть, в конце XVII века австрийцы выгнали с территории Венгрии турок и сказали венграм примерно так: «А вы что думали, мы для вас, что ли, старались? Это теперь – Австрия!» И Венгрия, не успев перевести дух, обнаружила себя в составе уже не Османской, а Австрийской империи. Снова начала устраивать бунты, поднимать восстания и затевать революции. На самую большую революцию венгры поднялись в 1848 году. Тогда трясло всю Европу, и грех было оставаться в стороне. Тем более что шанс-то был.

С 1835 года на престоле Габсбургской империи восседал слабый и несчастный человек, император Фердинанд I. Судьба его – показательнейший пример вредоносности близкородственных браков, традиционно практиковавшихся Габсбургами. Его отец Франц I приходился двоюродным братом собственной жене, и по восходящей линии подобные браки тоже редкостью не считались. С самого рождения маленький Фердинанд оказался подвержен неисчислимым болезням, от гидроцефалии до эпилепсии. Отец, однако ж, несчастного ребёнка любил и заботился так, как считал нужным, то есть оберегал от любых житейских опасностей, тем самым лишив его и образования и жизненного опыта. Фердинанд не повзрослел, даже став в сорок два года императором. Так и оставался большим ребёнком, спасибо ещё, ребёнком не злым.

Вот против этого-то императора и поднялись венгры в 1848 году. А что? Ногой покрепче топнуть, по столу кулаком грохнуть – должно получиться! Собрали правительство, выбрали премьер-министра, и повёз премьер-министр Лайош Баттяни конституцию независимой Венгрии в Вену. А там...

А там происходит странное. В спальне Фердинанда, как рассказывают (но верить особенно не стоит), появляется то ли потусторонний призрак, то ли гвардеец в простыне со свечой в руке, и, то ли по приказу Князя Тьмы, то ли по распоряжению сестрички Софии – Фердинанду ли разобрать? – вещает громовым голосом: «Отрекись, Фердинанд! Отреки-и-сь!!!» И он отрекается – в пользу племенника.

На престол восходит восемнадцатилетний Франц Иосиф. Это важно! Мы-то всегда представляем императора уже времён Первой мировой войны – седым стариком, с трудом держащим воинскую осанку. Но к тому времени у него за плечами шестьдесят лет императорского стажа. К тому времени у него жену зарезали, брата расстреляли, единственный сын кончил жизнь самоубийством... Он устал. А тогда, в 1848-м – это восемнадцатилетний пацан, и ему в руки только что упала империя, которую предки собирали столетиями. Так какие тут могут быть венгры с конституцией?!

Дальше в большой истории случилась революция и война за независимость, а в малой – знакомство наших героев. Затем подавление революции (1849) и брак Франца Иосифа и Елизаветы (1854). В будапештской же истории произошли не менее важные события: был построен знаменитый Цепной мост (1849), заложены Базилика святого Иштвана (1851) и большая синагога на улице Дохань (1854) и возведена на горе Геллерт цитадель (1854). Но порядки в городе и стране установились жёсткие. Страной распоряжаются австрийские чиновники. Все административное управление осуществляется по-немецки, по-немецки же написаны все названия улиц в городе, а в церковь Матьяша венгров просто не пускают: она для австрийцев. Вся элита страны – или в могиле, или в тюрьме, или в изгнании. Настроения в обществе соответствующие.

А потом происходит чудо. Не пролив ни единой капли крови, без всяких войн и революций, венгры заставляют императора подписать договор, известный как Австро-венгерское

соглашение 1867 года. По этому документу венгры отказываются от претензий на абсолютную независимость и обещают больше не восставать. Австрийцы же отказываются от абсолютной власти над Венгрией и предоставляют венграм такие же права, как у имперских подданных-австрийцев.

К успешному заключению этого соглашения, как говорят, и приложила свои усилия императрица Елизавета. Симпатизирующая Венгрии, она уезжала туда по поводу и без повода – просто чтобы отдохнуть от Вены. Привлекла к себе молодую и совсем не родовитую венгерку Иду Ференци, от которой узнала о взглядах венгров на политику Габсбургов. Общалась с Ференцем Деаком и Дьюлой Андраши, лидерами венгерской оппозиции, которые пытались через императрицу оказать влияние на Франца Иосифа. И в конце концов в этом преуспели.

Так на свет родилась Австро-Венгрия.

Елизавета и Елизавета

В центре Будапешта, в Эржебетвароше, то есть «городе Елизаветы», недалеко от Эржебет керюта, то есть бульвара Елизаветы, стоит церковь – нетрудно догадаться – святой Елизаветы.

Все логично, но речь идёт не об одной, а о двух женщинах. Эпоним городского района и бульвара – жена императора Франца Иосифа, прекрасная королева Сисси. Небесная патронесса церкви – святая Елизавета Венгерская, жившая в XIII веке.

Но правильнее этого не знать. Тогда святую Елизавету Венгерскую и императрицу Елизавету Австрийскую легко можно было бы вообразить одной легендарной женщиной – верной супругой, несчастной героиней, прекрасной королевой, чью тонкую душу не оценили окружающие.

Одна Елизавета родилась в 1207-м, другая в 1837 году. Обе дамы высокого происхождения: одна дочь короля Андраша II из династии Арпадов, другая – баварского герцога Максимилиана Иосифа. Первая вышла замуж в четырнадцать лет (время было такое, рассиживаться в девках некогда, смерть стоит у всех за плечами), вторая – в шестнадцать. Обе женщины оказались с характером, и обе доставили много хлопот своим супругам.

Елизавету Тюрингскую смутили францисканцы. Их проповедь бедной жизни и милосердия юная королева приняла как прямое руководство к действию. Щедро раздавала милостыню. Настояла на постройке больницы для бедных. Ухаживала, кормила, лечила. Милосердие святой Елизаветы не знало границ. По легенде, однажды она положила прокажённого ребёнка в супружескую постель. Муж, вернувшись, и обнаружив, что место его занято, разгневался, отбросил одеяло и увидел под ним Христа. По одной версии, Христа-Младенца, по другой – Христа Распятого.

Елизавету Баварскую от правильной жизни отвратила свекровь: придиралась, контролировала, проходу не давала – все пыталась сделать из непосредственной романтической Сисси достойную супругу для императора, образцовую императрицу. А та увлекалась поэзией, гимнастикой и верховой ездой. Порядки венского двора были ей в тягость, тянуло молодую императрицу к художественной интеллигенции. Художники с удовольствием писали молодую красавицу, благо Франц Иосиф регулярно заказывал её портреты.

Мужья, надо сказать, оказались на редкость терпеливы...

Про святую Елизавету рассказывают так: зимним днём, тайно набрав на королевской кухне полный передник хлеба, она, как обычно, понесла раздавать его бедным семьям. А навстречу – король, Людовик, строгий правитель и суровый муж: «Куда это она без спросу направляется, и что несёт?» Елизавета, покорная жена, ни слова ни сказав в своё оправдание, раскрыла передник, мол, будь что будет... А там – розы. Король устыдился и отпустил жену с миром. Однако о том, превратились ли розы обратно в хлеб, или у бедняков на завтрак в то утро были только цветы, данных у историков нет.

Елизавета-Сисси и рада была бы слушаться мужа, но тот вечно в делах, с бумагами, на службе. Дома всем заправляет его мать, эрцгерцогиня София, не упускающая возможности при любом случае напомнить невестке о её прегрешениях: излишней пылкости, неуравновешенности, недостаточной самодисциплине. И, конечно, это именно она виновата в том, что вместо ожидаемого наследника рождает мужу одну за другой двух дочек. Грех для императрицы непростительный.

Чем для святой Елизаветы была благотворительность, тем для Елизаветы-Сисси стала Венгрия. Она даже выучила венгерский язык. В 1882 году, в очередной раз приехавшая в Будапешт сорокадвухлетняя Елизавета избрала для прогулок гору Яноша в 528 метров высотой. Трижды императрица поднималась на гору и, надо полагать, не в туристическом костюме. Местные жители уже на следующий день установили там камень с проникновенными стихами

про «нашу дорогую королеву» и «восхитительный вид», а в 1910-м возвели на вершине горы 23-метровую каменную Башню Елизаветы в романском стиле.

Венгры симпатию императрицы ценили, и как-то раз, когда Сисси вдруг захотелось покататься на санях, исполнили королевский каприз, не смотря на лето. Говорят по-разному: то ли насыпали для неё в Гёделлэ снежную гору, то ли выложили солью целую дорогу от Будапешта и, впрягшись в сани, сами привезли её во дворец. Совсем не так давно это было, а версии расходятся.

Семейное счастье для Елизаветы Тюрингской закончилось с Шестым Крестовым походом. Людовик сопровождал в нем императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена и умер в Южной Италии в 1227 году. Брат мужа выгнал молодую вдову с детьми из дома. Елизавета скиталась по городам Германии, но от правил жизни не отступилась: помогала бедным, лечила больных, не сторонясь и прокажённых, себе и детям добывая пропитание за прялкой. Последние три года жизни она провела в маленькой келье, по наставлению духовника всячески себя истязая.

С семейным счастьем у императрицы Елизаветы тоже не все обстояло гладко: в двухлетнем возрасте умирает старшая дочка София, а в 1889 году кончает с собой тридцатилетний сын Рудольф. Это было не только семейное горе, но и трагедия всей династии. Кто знает, возможно, если бы императорской чете удалось родить и воспитать достойного наследника, может, и не случилось бы Первой мировой войны, и Австро-Венгрия не рассыпалась бы на мелкие кусочки... Принц Рудольф, освободивший себя от тягот императорской должности самым решительным образом, оставил империю бесхозной: других-то сыновей у Елизаветы и Франца Иосифа не было. Престол перешёл Францу Фердинанду, племяннику императора... Дальнейшая история всем известна.

Смерть самой императрицы последовала от руки анархиста Луиджи Луккени, ударившего её в грудь заточенным напильником утром 10 сентября 1898 года на набережной в Женеве. «Как я любил эту женщину!» – воскликнул император. Было ей шестьдесят лет.

Церковь святой Елизаветы была построена в 1901 году, через 670 лет после смерти Елизаветы-благотворительницы и через три года после убийства Елизаветы-императрицы. Стоит она в Эржебетвароше, городе Елизаветы, на площади Роз – тех роз, что высыпались из передника Елизаветы-святой. И легко себе представить, что, если б не просвещение, не энциклопедии, и не Гугл, мы бы знали одну Елизавету – прекрасную святую королеву, ту, что любила мужа, помогала бедным и восхищалась Венгрией, с короной на голове, звёздами в причёске и розами в переднике.

Житейское

В двадцать четыре года женился. Первый ребёнок, девочка, умирает в двухлетнем возрасте. Жена со свекровью не может поладить, зарабатывает себе нервное расстройство. Как примирить женщин, он не знает, и жена покидает дом, живёт отдельно от мужа и детей. Младший брат уезжает за границу, и там его убивают. Единственный сын убивает свою девушку и стреляется сам. От брюшного тифа в Палестине умирает второй младший брат – как раз в дни празднования Будапештом Тысячелетия родины.

На его жену ни с того ни с сего на прогулке нападает разбойник, убивает ударом заточки. Когда ему остаётся жить два года, второй разбойник убивает племянника.

Сам он доживёт ещё до восьмидесяти шести лет.

Сапоги императора

В Будапеште, второй столице Австро-Венгрии, нет ни одного памятника императору Францу Иосифу I. Он правил Австрийской империей на протяжении шестидесяти восьми лет. Из них сорок девять лет был императором Австро-венгерской монархии. Сама Австро-Венгрия просуществовала ненамного дольше – пятьдесят один год. Два последних года пришлось на краткое правление Карла I, но их можно и не считать.

Мы говорим: «Австро-Венгрия» – подразумеваем: «Франц Иосиф». Мы говорим: «Франц Иосиф» – подразумеваем: «Австро-Венгрия».

Он принял страну в состоянии, далеко от процветания. Последним предшественником, всерьёз озабоченным экономическим развитием подвластных ему земель, можно считать императора Иосифа II, скончавшегося в 1790 году. Ни Леопольд II, ни Франц II, ни тем более Фердинанд I, с задачами своими очевидно не справлялись. Как пишет Дмитрий Травин, «Практически весь данный период существования Габсбургской монархии можно охарактеризовать фразой: „...Сидя у себя в кабинете, Франц I слышал скрип правительственной машины и воображал, что она работает”. А преемник и старший сын Франца, умственно неполноценный Фердинанд, не мог, наверное, в силу своих интеллектуальных особенностей вообразить даже этого».

О том, за что венгры невзлюбили Франца Иосифа, сказать можно одной фразой. Ему не простили расстрела первого премьер-министра Венгрии Лайоша Баттяни и казни тринадцати «арадских мучеников». Особой любви не прибавилось и после Компромисса 1867 года, когда Франц Иосиф стал императором двуединой монархии.

Для Венгрии это была лучшая эпоха, в чем наглядно убеждается каждый, приезжая в Будапешт. Большая часть его архитектурных красот относится как раз к временам Австро-венгерской империи. При Франце Иосифе страна развивалась, и довольно быстро. С 1867 по 1914 год валовой внутренний продукт венгерской экономики вырос как минимум в три раза, а возможно, даже в пять. С 1873 года начало выпускать собственные паровозы объединение «Венгерские Королевские Государственные металлургические, сталелитейные и машиностроительные заводы», будущий Ganz-MÁVAG. С невиданной прежде скоростью росли города. В 1881 году изобретателем Тивадаром Пушкашем была открыта первая в городе телефонная станция, и через тридцать лет только в Будапеште насчитывалось 20 тысяч телефонных аппаратов. Большинство столичных улиц освещалось газом, а затем электричеством. Знаменитый «Восточный экспресс» с 1883 года курсировал сквозь территории обеих частей империи и доставлял пассажиров из одной её столицы в другую менее чем за пять часов. Трамвайных путей построили в городе на 120 км... Вот он, Прогресс. Вот-вот наступит Процветание.

При нем же, при Франце Иосифе, с размахом и энтузиазмом отметили праздник Тысячелетия обретения родины. И – как подтверждение тенденции и аванс на будущее – в том же году венгерский пловец Альфред Хайош получает золотую медаль на первой же Олимпиаде Нового времени. Все это происходило если не по прямому указу Франца Иосифа (за пловца-то он точно руками не махал), то, во всяком случае, в то время, когда за все происходящее отвечал он. И пусть не как вдохновитель, вождь и учитель, но как персона, маркирующая эпоху, он, думается, имеет право на посмертное присутствие в Будапеште. Куда большее, скажем, чем, Михаил Иванович Калинин – в Кёнигсберге.

Тем не менее, мост, названный было в честь Франца Иосифа, давно переименован в мост Свободы. Площадь его имени, на Пештской стороне, перед Цепным мостом, в путеводителях до сих пор числящая как площадь Рузвельта, с 2011 года стала площадью Иштвана Сечени. И никто уже не помнит, что первая линия метро тоже носила имя императора.

Насильно мил не будешь? Да. Но возможно и иное объяснение неблагодарности имперских народов. Вадим Михайлин в книге «Тропа звериных слов» говорит о двух схемах мужского поведения, закреплённых в европейской культуре: старший сын и младший сын.

Младший – это д'Артаньян, Ахилл, Давид, Ричард Львиное Сердце, Иванушка. Это тот, кто получает в наследство не дом и не мельницу, а старые сапоги и коты. У него ветер в голове, и несёт его по миру без руля и без ветрил. Он готов к приключению, драке, подвигу, и вряд ли видит различия между ними. Он часто рано гибнет: «Гусар, доживший до тридцати лет, это не гусар, а дерьмо». Но оставляет миру память о себе, и на его примере учатся отваге следующие поколения.

Доля младшего – поймать за хвост птицу-удачу. Доля старшего – содержать в порядке свой курятник.

Старший – Агамемнон, Иван III, Карл Великий. Старший сын наследует дом и землю. Он несвободен в своих действиях, поскольку ответственен не только за себя, но и за весь род: у него долг перед предками и обязанности перед потомками. В пределах своей юрисдикции он судья и гарант справедливости. Он многого не может себе позволить: риска, азарта, увлечения. Даже любви – в отличие от младшего брата, чьи любовные похождения приносят тому не меньше славы, чем боевые подвиги.

«Говорит он неторопливо и внятно, не смеётся громко и „не к месту”, движется с подобающей внушительностью... ест и пьёт он неторопливо и „известною мерой” – причём, будучи хозяином дома, полагает эту меру сам как гостям, так и себе. Он ответственен не только за своё собственное благо, но и за благо всего семейного коллектива, включая живых, умерших и ещё не родившихся... Он – человек статуса: у него нет своей судьбы, он живёт судьбой рода».

Вполне узнаваемый портрет. Франц Иосиф I был старшим сыном эрцгерцога Франца Карла, но важнее не факт рождения, а принятая на себя роль. Франц Иосиф – хозяин, защитник, гарант. Не воин, не завоеватель, не герой. Другие великие императоры Нового времени, Пётр I или Наполеон, империи учреждали. Он свою унаследовал. Доставшаяся ему по наследству Габсбургская империя была результатом долгой собирательной работы его предков, начиная с XIII века, и он видел свой долг в том, чтобы хранить и преумножать её и дальше. Как и положено «старшему», Франц Иосиф неустанно заботился о благосостоянии и сохранности. И куда меньше – о развитии и прогрессе. Они связаны с риском, а рисковать положено не старшим, а младшим. Замечательна его фраза о новом искусстве, которого почтенный император, естественно, не любил и не понимал: «Современное, так современное, лишь бы получилось, как следует». Чиновник по складу характера, он вставал в пять утра, работал с документами, из развлечений позволяя себе только прогулки. В девять вечера – спать. Так и не привык пользоваться телефоном, не доверял автомобилям. Он был трудолюбивым бюрократом, для которого оставалось вечной загадкой, почему нельзя управлять империей, просиживая по восемь часов в день за письменным столом, трудясь над документами».

Даже если бы финал его правления обошёлся без катастрофы 1914 года, император вряд ли мог рассчитывать на любовь подданных. «Самого старательного чиновника империи» можно уважать, но любить люди всегда предпочитают младших, с лёгкостью прощая им все грехи. Д'Артаньяну – коварство, Ахиллу – беспечность, маркизу Карабасу – ложь, Ивану-дураку – безответственность.

Младших любят искренне, сердечно. Старших – почитают из чувства долга. Памятники «старшим» ставятся лишь там и тогда, где и когда признаётся их легитимность. Стоит сместиться социальной парадигме или территории выйти из-под власти правителя – поминай как звали.

Пример – история памятника Францу Иосифу в Будапеште. На торжественной колоннаде, установленной в честь праздника Тысячелетия, его фигура замыкала ряд из венгерских королей, начиная с крестителя, Иштвана Святого. Идея прочитывалась просто: Иштван –

начало, Франц Иосиф – вершина, Иштваном венгерское тысячелетие начиналось и под скипетром Франца Иосифа расцвело.

Но сейчас замыкает колоннаду скульптура Лайоша Кошута, человека, которого меньше всего можно было бы ожидать в этом ряду, поскольку главное дело всей его жизни и заключалось в непримиримой борьбе с Габсбургами вообще и лично – с Францем Иосифом. Это он возглавил революцию 1848 года, он вместе с Лайошем Баттяни в марте того года прибыл с Вену с требованием учреждения венгерского самоуправления, он создал для борьбы с Австрией двухсоттысячную армию, он вёл переговоры с Англией и Францией, протестовал против вмешательства России, требовал низложения самой династии Габсбургов. Собственно, в живых-то после подавления революции он остался только потому, что эмигрировал в Турцию, затем в Америку. Его ближайший соратник Лайош Баттяни был расстрелян 6 октября 1849 года во дворе австрийских казарм, на месте нынешней площади Свободы. А Кошут дожил в Италии до девяносто одного года, ругательски ругая Австрию и Франца Иосифа в статьях и письмах, протестуя против «Соглашения» 1867 года, не давая забывать о себе. Когда он умер в 1894 году, город устроил ему пышные похороны. Но в монументе – в монументе-то по праву была установлена статуя Франца Иосифа, законного правителя, против торжественных похорон своего противника, кстати, не возражавшего. Скульптура изображала императора в гусарском мундире, с пышными знакомыми бакенбардами.

Простояла статуя до 1919 года. После чего за дело взялись венгерские революционеры во главе с недоброй памяти коммунистом Белой Куном. Все памятники королям из династии Габсбургов были удалены, причём скульптуру Франца Иосифа красные бойцы раскололи на куски, так что на пьедестале остался только один сапог. В 1926-м поставили новую статую, теперь в коронационном платье, хотя и без короны. Этот вариант простоял до Второй мировой войны, когда бомба повредила три крайние фигуры колоннады. И в 1955-м место Франца Иосифа в колоннаде площади Героев окончательно занял Лайош Кошут.

Памятников Францу Иосифу в Будапеште нет. Ни одного. Его почитали, пока был живой и при власти, и перестали вспоминать, когда страница истории перевернулась. Злую сатиру на императора и его время, правда, тоже сочинять не стали: «Швейк» – явление чешской, не венгерской, культуры. Но и любви – любви к нему не питают. Такова доля «старшего сына».

Что ж, человечество, по крайней мере, помнит ещё его имя. Как звали других «старших» – добропорядочных братьев Ивана-дурака или маркиза Карабаса – не знает уже никто.

Елизавета, Франц Иосиф, Будапешт. Продолжение

Считается, что единственное вмешательство императрица Елизаветы в дела государственные приходится как раз на тот момент, когда в венгерской оппозиции стала побеждать линия, ориентированная не на достижение независимости любой ценой, а на достижение взаимовыгодного компромисса. Инициатива принадлежала Ференцу Деаку, бывшему министром юстиции в правительстве Баттяни. Деак, либеральный мыслитель, скептически настроенный по отношению ко всяческим революциям, поначалу призывал к пассивному сопротивлению Габсбургам, а в 1865 году опубликовал в газете «Pesti Napló» статью, с которой и началось движение в сторону Австро-венгерского соглашения. «Деак и его сторонники вовсе не хотели свергнуть Габсбургов, напротив, они желали усиления их власти, но лишь в узкой области её собственных функций. Они знали, что великие державы рассматривают империю Габсбургов как неотъемлемую принадлежность политической карты Европы, как составляющую баланса её сил, но при этом были убеждены, что самим венграм империя совершенно необходима, что она, как щит, защищает их страну, вклинившуюся между германским молотом и славянской наковальней» Л.Контлер).

Читала ли Елизавета статью Деака? Вряд ли, хотя венгерский она понимала. Скорее всего, о смене политического курса императрица узнала от графа Андраши. С ним её связывали давние приятельские отношения, порождавшие и порождающие бесконечные сплетни. И сейчас можно встретить в венгерском интернете обсуждение животрепещущей темы: «Сисси и граф Андраши: компромисс из любви или секс ради компромисса? / Sissi és Andrassy gróf: kiegyezés szerelemből, szex a kiegyezésért?»

Граф Дьюла Андраши – личность яркая. Герой революции 1848–1849 гг., символически казнённый после её подавления, изгнанник, эмигрант (Le Beau Pendu, «красавчик-висельник», как называли его парижские дамы), изображаемый на портретах бравым гусаром в ментике, при усах и шпаге, он уже в 1857 году получил амнистию и вернулся в Венгрию перед новым взлётом карьеры. Судя по всему, роль Елизаветы сводилась к посредничеству между венграми и императором, и женскую эмоциональную отзывчивость предположить здесь проще, чем наличие собственных политических соображений.

Венгры, и до того относившиеся к императрице с большой симпатией, возлюбили свою королеву – királyné, кирайнэ – ещё больше. Пока она была жива, любовь эта проявлялась в безудержном гостеприимстве, а после её смерти – в создании топонимов и мемориальных сооружений.

Франц Иосиф, Елизавета, Будапешт: любовный треугольник. Или четырёхугольник? Франц Иосиф полюбил Елизавету и привёз её в Вену. Вена к императору относилась всегда с искренним почтением, которое не пошатнули две мировые войны. Мемориальные таблички, украшенные знакомым профилем с бакенбардами, и сейчас повсеместно присутствуют в Вене на стенах основанных им гимназий и больниц. Елизавета же Вену невлюбила и – именно поэтому – открыла сердце Будапешту. Будапешт не любил Вену (тоже взаимно; достаточно вспомнить цитадель на горе Геллерт) и потому любил Елизавету. Осталось спросить, какую из столиц своей империи любил Франц Иосиф? Будапешт или Вену? Но Франц Иосиф никогда не руководствовался в своих решениях любовью. «Старший сын», он был человеком долга, а не эмоций, и исполнял свой долг неустанно – так, как его понимал.

Романтики и зануды

Возле здания Парламента в Будапеште стоит памятник Лайошу Кошуту в окружении соратников. Высокая фигура. Вдохновенное печальное лицо. Бакенбарды – похлеще пушкинских. До 2014 года здесь стояла другая скульптурная группа, но тоже про Кошута. Тогда его правая рука жестом, так знакомым по памятникам Ленину, призывно простиралась в сторону Вены, а ниже внимали вождю человечки помельче. Теперь его заменили на копию первоначального, стоявшего с 1927 по 1950 год. Но площади этой без Кошута – никак: она носит его имя. Впрочем, так же называются главные площади или улицы едва ли не в каждом венгерском городе. И если б только в Венгрии! Этот персонаж, чья жизнь охватывает почти весь XIX век, произвёл сильное впечатление не только на соотечественников, и английский поэт Чарльз Суинберн мог рассчитывать на всеобщий отклик, когда называл Кошута «звездой, не меркнувшей на небосклоне». На первой грамофонной пластинке, выпущенной в Америке Берлинером в 1890 году, записана именно его, Кошута, речь. В моде была «шляпа Кошута». Имя «отца нации» тоже не кажется сильным преувеличением, хотя ни королём, ни поэтом, ни воином-освободителем Кошут не был.

Кем же он был? Об этом позже. Сначала посмотрим на вторую фигуру.

Тоже поблизости от Парламента, на полдороге к Базилике, в сквере на набережной Дуная стоит памятник другому человеку. В глубоком покойном кресле чуть откинувшись назад, сидит упитанный мужчина солидного возраста с длинными мажарскими усами, в застегнутом на все пуговицы сюртуке, весомостью фигуры – и, хочется думать, привычками – напоминая нашего Ивана Андреевича Крылова. Пафос на нуле, ни поэтического вдохновения, ни революционного энтузиазма. Отношение общества – такое же сдержанное. Именем его не клянутся, песен про него не поют.

Между тем первый, Кошут – пассионарий-неудачник, вызывавший даже у соратников «чувство восхищения, переходящее в ненависть», сбежавший предводитель неудавшейся революции, человек, дело всей жизни которого было проиграно и, мало того, стоило любезному Отечеству немалых жертв. А второй, Деак, которого даже на аллегорических картинках, изображающих венгерскую историю, рисуют обычно тихо сидящим за столом – не призывающим, не ведущим в бой – на самом деле и есть как раз тот деятель, кто принёс стране свободу, покой и благоденствие.

Ференц Деак – отец Австро-венгерского соглашения 1867 года. И роскошные здания в стиле эклектики и будапештского сецессиона вокруг его статуи, и вечно заполненная туристами галерея Рыбацкого бастиона на другом берегу Дуная, напротив памятника, и Опера, и линия метро, построенная здесь раньше, чем в Париже и Вене, и здание Парламента, и весь полувек период очевидного благополучия и процветания страны от 1867 года и до начала Первой мировой – все это прямые следствия его, Деака, усилий.

Вершина жизни для Лайоша Кошута – 1848 год. Европу трясло, шла «весна народов», и Венгрия не могла оставаться в стороне. Инициаторами революции стали Кошут и Петёфи. Вдохновенный оратор и не менее вдохновенный поэт горячими речами в стихах (Петёфи на ступенях Национального музея) и в прозе (Кошут на заседаниях Государственного собрания) зажгли энтузиазм борьбы за освобождение от власти австрийских Габсбургов. Удалось даже заставить императора Фердинанда подписать законы, по которым Венгрия получала определённую свободу в рамках империи. Но несчастный больной Фердинанд отрёкся от престола, а молодой и решительный Франц Иосиф считал себя свободным от решений предшественника. Венгрии было велено знать своё место.

Неистовый Кошут ответил на это провозглашением независимости и требованием не признавать более за Габсбургами прав на венгерский трон. Далее – неизбежное: продолжение

военных действий под общим руководством Кошута, «правлящего президента», национальные волнения на окраинах и скорый разгром венгерской революции. И вот уже горит в Буде королевский дворец, 13 августа у Арада генерал Гёргей с тридцатитысячной венгерской армией сдаётся перед русским 3-м корпусом генерал-адъютанта Федора Ридигера, австрийцы расстреливают премьер-министра революционного правительства Венгрии Лайоша Батяни и тринадцать венгерских генералов.

Кошут эмигрирует. В Турции, в Англии, в Америке выступает с речами, просит помощи бедствующей родине, бичует Австрию. Собирается вдвоём с Майн Ридом, автором «Всадника без головы», отправиться в Венгрию под вымышленным именем: Рид – под видом знатного туриста, а Кошут – в качестве его слуги.

Но где слава и популярность, там и повышенное внимание прессы. И вот, пожалуйста, лондонский журналист Карл Маркс в 1859 в году торопится обнародовать бомбу: «Сегодня я намерен привлечь внимание ваших читателей к другой секретной главе современной истории. Я имею в виду связь, существующую между Кошутом и Бонапартом... Я считаю настоящий момент тем более подходящим для обнародования давно известных мне фактов, что Бонапарт и его приспешники, а также Кошут со своими сторонниками в равной мере стараются скрыть эту сделку, которая не может не скомпрометировать одного перед монархами, а другого – перед народами всего мира».

Как публицисты Кошут и Маркс вполне стоят друг друга: сплошная революционная риторика – оба призывают, негодуют, взывают и клеймят.

Увы, ни один из глаголов, использованных для описания бурной жизни Кошута, не подходит для деятельности второго из героев этой истории, Ференца Деака. Он никогда никого не вдохновлял, не проклинал, не клялся и не обещал отстаивать свободу Отечества до последней капли крови. Он сидел за столом и писал бумаги. Сотрудничать с австрийцами отказывался. Но к насильственному уничтожению Австрийской империи не призывал. Неторопливо, методично и аргументировано он доказывал соотечественникам, оскорблённым австрийской оккупацией, и императору, обиженному непокорностью венгров, что лучше для тех и других – жить в мире. Деак соблазнял Франца Иосифа идиллией мира: обещал в обмен на относительную самостоятельность Венгрии столь же относительную лояльность дворянства.

По сути, он выступал как анти-Кошут – обещал, что революции не будет. И – вода камень точит – в 1867 году добился-таки своего: уговорил Австрию на «Соглашение», на компромисс. По нему Венгрия из подчинённой, завоёванной провинции превращалась в полноправную и равноценную часть империи, причём ради этого самой империи пришлось сменить название и стать Австро-Венгрией.

Кошут в американском изгнании остался недоволен – компромисс никак не устраивал пламенного революционера. Слава его не меркла. Венгры говорили, что «шляпа Кошута весит больше, чем короны всех королей» и называли «венгерским Моисеем». А когда он умер в Италии, так, кажется, и не перестав до девяноста лет мечтать о «свободной Венгрии», соотечественники устроили ему пышные торжественные похороны в Будапеште, и Франц Иосиф препятствовать им в том не стал.

Ференца Деака к тому времени уже не было на свете. Добившись Соглашения, он отошёл от дел, пост премьер-министра уступил графу Андраши. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, подводя итоги жизни венгерского политика, отмечал, что «отличительными его чертами были мудрая умеренность и глубокая преданность праву». «Умеренность и аккуратность», иными словами – качества, которые способны принести успех в большом деле, но никак не помогают их обладателям достичь славы, всеобщей любви и благодарного обожания.

Слава, увы, сплошь и рядом достаётся не мудрецам, а героям – тем, что клянутся воевать за Свободу и Родину до последней капли крови. Как правило, не уточняя в пламенных речах, чьей крови – собственной или чужой.

Инкубатор народов

«Недовольными остались многие, как к западу, так и к востоку от внутренней австро-венгерской границы. В 1871 году чехи почти уговорили Франца Иосифа короноваться в Праге – в качестве чешского короля, однако позднее император вынужден был отказаться от своего обещания под давлением венгерских политиков, опасавшихся, что Чешскому королевству будет предоставлена столь же широкая автономия, как и королевству Венгерскому. В самой Венгрии тем временем был принят весьма демократичный, по тогдашним меркам, „закон о национальностях”, где говорилось о наличии „единственной политической нации – единой и неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали”. На деле, однако, все было иначе».

Ярослав Шимов. Как погибал «Советский Союз Центральной Европы»

Мальчики с улицы Пала

Отсутствие памятников императору с лихвой компенсируется в Будапеште памятникам людям его эпохи, и не только людям, но и литературным персонажам.

В 1908 году Ференц Молнар написал роман *A Pál utcai fiúk*, «Мальчики с улицы Пала». Хорошая книга получилась. Воспитательная. О том, что мужчина не должен быть ни трусом, ни предателем. Герои – только мальчики, и написано для мальчиков.

Две группы мальчишек воюют из-за пустыря. Не злобно, без ненависти. Зато на удивление организовано. Будапештские мальчишки того времени, судя по роману, были очарованы военной бюрократией: форма, команды, иерархия – всё, как у взрослых. Они учреждают Союз улицы Пала, и дальше всю дорогу заседают, голосуют, пишут протоколы и составляют манифесты. С удовольствием и пониманием важности процесса ходят строем. Аппетитно рапортуют и с азартом командуют. Тем более, что все в этой небольшой армии – офицеры. А рядовой – один. Самый маленький. Эрнё Немечек.

Эпизод из романа и запечатлён в скульптурной группе возле одной из будапештских школ. Мальчишки играют в стеклянные шарики у стены музея, и тут являются два бойца из вражеской команды. Если и хулиганы, то совсем не криминальные. Очень порядочные. Домашние. Всех злодеяний – горсть шариков у малышни отобрать. О дальнейшем на стене школы рассказывает каменная доска с текстом, а в романе – сам главный герой: «Ну вот, значит, подходят Пасторы – ближе, ближе и всё на шарики поглядывают. Я и говорю Колнаи: „Видно, им шарики наши понравились! ” И тут Вейс умнее всех оказался – сразу сказал: „Идут, идут... Ну, сейчас здесь такой „эйнштанд“ получится!.. ” Но я подумал, что они нас не тронут: мы ведь им никогда ничего плохого не делали. Сначала они и не приставали, только стали вот так в сторонке и смотрят, как мы играем. Колнаи мне шепчет: „Ты, Немечек, кончай! ” А я ему: „Как бы не так: когда ты промазал! Теперь моя очередь. Вот выиграю, тогда и кончим”. Тут Рихтер как раз свой шарик пустил, только у него руки дрожали от страха: он все на Пасторов косился, ну, и, конечно, промазал. Но Пасторы даже не шелохнулись, стоят себе, руки в карманы».

Маленький Немечек и тут ведёт себя вполне достойно (но никто не воспринимает его всерьёз – это же просто рядовой Немечек!) А потом дело доходит и до настоящих подвигов и, увы, до настоящей смерти.

Нет, об убийстве речи нет, конечно – все это вполне ещё детские войны и детские игры. Просто за один вечер ему придётся дважды искупаться в реке в одежде и посидеть в бассейне по шею в холодной воде. Ну, а какое в те времена возможно было лечение простуды? Выкарабкается – молодец, не сумеет – увы. Немечек не выкарабкался. Но успел ещё разведать и разрушить планы врагов и получить желанное повышение.

«– Ура! – дружно закричали все, отдавая честь новоиспечённому капитану. Под козырёк взяли и лейтенанты, и старшие лейтенанты, а раньше всех – сам генерал, откозырявший так чётко, словно рядовым был он, а генералом – белокурый малыш.

Никто и не заметил, как худенькая, бедно одетая женщина поспешно пересекла пустырь и внезапно очутилась перед ними.

– Господи Иисусе! – воскликнула она. – Ты здесь? Так я и знала!..»

Мальчишки с улицы Пала свой пустырь отстояли. Немечек умер.

А на следующий день оказалось, что все зря. На пустыре начинается строительство:

«– Здесь?

– Здесь. В понедельник придут рабочие, начнут копать... ров выроют... фундамент заложат...

– Как! – воскликнул Бока. – Здесь будут строить дом?!

– Дом, – равнодушно подтвердил словак, – большой, четырёхэтажный... Владелец пустыря хочет строить здесь дом.

И ушёл в сторожку».

Время действия в романе – 1902 год. Мальчишки стратегии обсуждают, новые фуражки примеряют, на знамени клянутся, отправляют парламентёров и договариваются о видах оружия. Им здесь двенадцать-четырнадцать. К 1914-му как раз успеют. И уж навоюются – до чёртиков...

Императорская дача

В местечко под названием Гёделлэ, где находится Королевский дворец, хорошо приезжать сразу после визита в Петергоф. Познавательное. И то, и другое – императорские летние резиденции, но как видны различия эпох! Там – размах и имперская мощь, тут – уединение и уют. Там – феерия фонтанов и золотые статуи, сияющие так, что глазам больно. Здесь – часы под главным куполом, черепичная крыша да пара каменных львов. Без позолоты.

Неплохо бы выстроить цепочку Версаль – Петергоф – Гёделлэ. От семнадцатого века к девятнадцатому. От «Короля-Солнца» к «старшему чиновнику империи». Солнце, вставая над Францией, освещало обращённые к нему окна версальской спальни короля, и в спальне вставал Его Величество Король – истинное Солнце государства. В Российской империи церемония lever du Roi, пробуждения монарха, не сложилось, но знаменитые фейерверки, петергофские иллюминации, в деле устройства которых, по замечанию английского путешественника, «русские перещеголяли все европейские народы», тоже могли произвести впечатление на кого угодно.

Гёделлэ на этом фоне – образец скромности. Дворец, преподнесённый Францу Иосифу и Елизавете в качестве коронационного подарка в 1867 году, не был даже специально для них построен. Он был возведён ещё в середине XVIII века для Антала Грашшалковича, советника императрицы Марии Терезии, и к моменту дарения пребывал в том неудобном для архитектуры столетнем возрасте, когда любое здание уже кажется «старым», но ещё не обязательно «старинным».

Бытовые условия, инфраструктура, сама эстетика дворца соответствовала временам пудренных париков и французской «Энциклопедии», а никак не железных дорог, пара и телеграфа. «Вторичная недвижимость», как сказали бы сейчас.

Двухэтажное здание под черепичной крышей имеет все полагающиеся опознавательные знаки стиля барокко, так хорошо соответствующего дворцово-имперской тематике: восьмигранный купол высок и строен, хитрых очертаний фронтон украшен гербом, четыре пары колонн при входе. Испытывает ли посетитель Королевского дворца в Гёделлэ благоговение? Не очень... Восторг? Вряд ли... Державинская строчка про «великолепные чертоги» не подходит к этим интерьерам, хотя и картины в золочёных рамах висят по стенам, и сияющие люстры спускаются с потолка.

Дело, как видно, не в наборе предметов, а в том, как эти предметы, и залы, где они расположены, и комнаты, эти залы окружающие, использовались их хозяевами. Стоит оглядеться по сторонам, войдя в очередное дворцовое помещение с бледно-лиловыми стенами и фиолетовыми занавесями, и становится ясна разница между Версалем и Петергофом с одной стороны, и Гёделлэ – с другой, между «старым порядком» и XIX веком.

Те резиденции целиком, сверху донизу – напоказ. На публику. Жить в них сложно. Они и строились не столько для жизни, сколько для репрезентации абсолютной власти и абсолютного – на равных с Солнцем – могущества. В тех дворцах не было даже туалетов, как и любых помещений, где августейшие особы могли бы остаться в одиночестве.

Замечательны жалобы Екатерины II, которая не может в собственном дворце навестить собственного же фаворита князя Григория Потемкина без того, чтобы этот визит не остался не замеченным десятком слуг: «Я искала к тебе проход, но столько гайдуков и лакей нашла на пути, что покинула таковое предприятие». Более того, судя по её письмам, придворные дамы не отказывали себе в удовольствии полюбоваться украшениями государыни и в её отсутствие посещали «бриллиантовую комнату», что, казалось бы, противоречит всем нормам и порядкам.

Чтобы оценить сдвиг, произошедший в европейской культуре между временами Петергофа и Гёделлэ, смотреть надо не на картины в золочёных рамах и не на обитые бархатом кресла. А, например, на двери.

В больших императорских резиденциях, в том же Петергофе, в Царском Селе, в Зимнем дворце, двери – ещё одна декоративная деталь. Они торжественны, нарядны, украшены золотыми орнаментами и – главное! – вечно распахнуты настежь. Они не столько отгораживают друг от друга разные помещения, сколько связывают их между собой, делая всё здание пронизываемым, всё – обозреваемым, всё, до спальни монарха, до «бриллиантовой комнаты» императрицы – выставленным напоказ.

Может быть, как раз поэтому такие дворцы так легко и непринуждённо превращаются в туристические объекты, что перед экскурсионными группами дворец продолжает играть ту самую роль, ради которой и был создан: показывает себя, блистает, ослепляет, ошеломляет и принимает знаки восхищения. Раньше лицезрели его придворные да иностранные послы, а теперь местные да иностранные туристы – не велика и разница.

Двери Гёделлэ созданы для того, чтобы быть закрытыми. Они ниже, скромнее, спокойнее. Двери тех больших императорских резиденций, как, впрочем, и окна, и зеркала, и лестницы, пропорциональны и сомасштабны всему дворцу, и даже более того – империи. А двери Гёделлэ – отдельному человеку. Самое большее – семье.

В распоряжении императорской четы были, конечно, и «традиционные», унаследованные от прежних монархов дворцы – парадный венский Хофбург с его двумя тысячами шестьюстами залами и комнатами, очаровательный Шёнбрунн. Но и Гёделлэ, как ещё один вариант семейного дома, тоже исправно служил понемногу стареющей паре, причём для императрицы Елизаветы как раз этот, неофициальный, не очень торжественный и не слишком помпезный дворец, и был самым любимым. Супруг её о своих чувствах предпочитал помалкивать, да поданные и не спрашивали.

Переходя из комнаты в комнату, посетитель чувствует даже некоторую неловкость, как будто явился в дом без приглашения, воспользовавшись тем, что хозяйева на минуту вышли. Вот четыре креста с розовой обивкой вокруг небольшого столика. Хозяйева с гостями пили тут кофе или играли в карты. Вот кабинет. Вот туалет. Вот коридор с семейными портретами на стенах – теперь бы висели фотографии в рамках.

Интересно, успел ли император, скончавшийся в 1916 году, прочесть вышедшую в 1890-м в Америке статью «Право на частную сферу», *The Right to Privacy*, написанную адвокатами Л. Брандейсом и С. Уорреном. Вряд ли. А жаль, ему бы понравилось. В статье, пожалуй, впервые было внятно заявлено о праве человека «быть оставленным в покое»: «Напряжённость и сложность жизни, присущие развивающейся цивилизации, приводят к необходимости иметь убежище от внешнего мира, так что уединение и приватность становятся для человека более значимыми».

Гёделлэ и было таким убежищем. Стареющий император явно не поспевал за шустрой поступью прогресса, потрясающего внешний мир. Впрочем, после гибели Елизаветы в 1898 году он посещал Гёделлэ все реже. А там – война, в Европе и сейчас обычно называемая Великой, смерть императора и разрушение империи. С 1920 по 1944 год в Гёделлэ располагалась летняя резиденция регента Венгрии Миклоша Хорти. Потом по дворцу прошлась Вторая мировая война, после чего дворец недосчитался ряда картин и антикварной мебели. До 1990 года во дворце базировались немногочисленные подразделения Южной группы войск ВС СССР. Был здесь и склад, и дом престарелых, что тоже показательно. Тот же Петергоф можно представить разрушенным; он и был полностью разрушен в первый же год войны, но трудновато – домом престарелых. А Гёделлэ превратился в общежитие для тех, кому некуда пойти, с лёгкостью: небольшие комнаты, не по-дворцовому низкие потолки... место, где человеку можно быть «оставленным в покое», раз уж судьба не даёт лучших вариантов.

Гёделлэ – дворец человеческих масштабов, в нем и императорской семье было уютно, и нетитулованным посетителям полтора века спустя. Императорская дача. Уголок частной жизни. Домик в деревне.

Тысячелетие в центре Европы

Завоевание Родины

«Тысячелетие в центре Европы» – это подзаголовок книги венгерского историка Ласло Контлера. Тут важны все слова. О европейском выборе Венгрии уже было сказано. Но важно и то, что венгры оказались не на окраине Европы, а в самом её центре. Как раз в те времена, когда строился и украшался Будапешт, специалисты из венского Императорско-Королевского военно-географического института определили место географического центра Европы – на территории Австро-Венгрии на тот момент. В 1887 году на берегу реки Тиса был поставлен знак, латинский текст которого сообщал: «Очень точно, специальным аппаратом, сделанным в Австрии и Венгрии, со шкалой меридианов и параллелей, установлен здесь Центр Европы». Точка, конечно, условная, поскольку «Европа» – понятие не только географическое, но так же историческое и культурное. Но сам факт не мог не сказаться на самоощущении народа. *Mittleuropa*, Центральная Европа, «остров внутри Европы» (М. Месей) – самый что ни на есть европейский центр.

Но парадокс в том, что в этом самоощущении «центральность» замечательно уживается с «провинциальностью» и «сиротством». «Да, венгерский язык отдаляет нас от Европы и провоцирует в нас сознание, что мы чужие», – говорил Петер Эстерхази, и в данном случае говорит не как интеллектуал, обладатель собственно взгляда, но как выразитель взгляда общего.

Тема национального сиротства – постоянна в венгерской культуре. «Мы – самый покинутый народ на земле» – это писал Шандор Петефи, непререкаемый авторитет в вопросах венгерского патриотизма. Артур Кёстлер, ставший известным миру в качестве английского литератора, но родившийся венгерским евреем в Будапеште на протяжении одного абзаца упоминает «беспрецедентное одиночество этого народа», «неширокий горизонт этого народа» и снова «безнадёжное одиночество нации», поскольку «быть венгром – коллективный невроз», а здешние гении «для внешнего мира рождаются глухонемыми».

Позднее писатель Петер Залахи так выразил собственное раннее знакомство с тем же кругом идей, транслируемых обществом из века в век, вне зависимости от социального строя и политического режима; в его случае это – самый конец социалистической эпохи: «Словом, венгры пришли сюда тыщу лет назад, и сегодня ещё идут, если, конечно, не померли. Откуда идут и куда – никому не известно. А если кому известно, тот заблуждается. Тот не венгр. Или венгр, но не тот. В смысле – не настоящий. Что есть венгр – покрыто большим туманом. Ясно только, что венгр ничем особенным не отличается, что выглядит он, как все, везде легко приживается, за исключением Венгрии, где ассимилироваться ему невозможно – мешает общий язык».

Корни «сиротства», «одиночества», «невроза» – в истории.

Монумент на площади Героев, знакомый каждому венгру едва ли не с рождения, не оставляет двусмысленностей: пришли, да. Семь всадников изображены едущими с востока на запад, в сторону заката и Дуная. Первый – Арпад, тот, кто в 896 году привёл венгров на Среднее Подунавье, преодолев Карпаты. Рядом *Tas, Huba, Előd, Kond, Ond* и *Töhötöm*: имена написаны на постаменте, и трудно не выучить их уже к окончанию начальной школы. При этом бронзовый Арпад выглядит неотличимо от Александра Невского и неуловимо напоминает Ричарда, стоящего во дворе Вестминстерского дворца. В отличие от «прекрасной эпохи», героическая эпоха Венгрии материально, телесно, в Будапеште не существует. По-настоящему старых строений здесь нет, а каменные фрагменты стрельчатых арок, встречающиеся во дворах Буды, слишком немногочисленны и немы, чтобы выступать свидетельствами эпохи. До-

имперское прошлое Венгрии – вербально, повествовательно, текстуально, а следовательно – мифологично.

Поиск родни. Путешествие монаха Юлиана

В XIII столетии на поиски восточных родственников ушли четверо венгерских монахов. Вернуться, после трёхлетних странствий, удалось лишь одному, но и он умер сразу по возвращении. Тогда в путь отправился монах-доминиканец по имени Юлиан с тремя братьями. Это был май 1235 года; путь их лежал через Секешфехервар, Печ и Белград к Константинополю. Оттуда – кораблём на Тамань. Путники прошли вдоль реки Кубань, повернули на северо-восток, в землю аланов. Двое решили вернуться, а Юлиан с одним спутником отправился дальше, но вскоре тот умер, и Юлиан продолжал путешествие один. «Близ большой реки Этиль», которую историки идентифицируют по-разному, он встретил людей, язык которых понимал.

Надо себе представить: деятельный монах, покинув Константинополь, шёл по землям малоизвестным, последнюю часть пути – в одиночку; людей, с которыми он мог говорить на одном языке, он встретил примерно через год, как покинул монастырь – и только тогда на его *Jó parot kívánok!* прозвучал ответ: *Jó parot!*

Юлиан благополучно вернулся, отчитался в Буда перед королём Белой IV и в Риме перед папой Григорием IX; более того, осенью 1237-го он отправился в путь снова... Это был тот самый 1237 год: 16 декабря Батый осадил Рязань и вскоре взял её, впереди поражение Владимиро-Суздальского княжества, осада и взятие Киева монголами. Начиналось монгольское нашествие на Русь. Доминиканец Юлиан стал свидетелем самого начала его; он писал «... князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего...».

Последующие события затмили впечатление от экспедиции Юлиана, но память о нём осталась и картина мира для венгров уточнилась: родственники у одинокого народа есть, но – очень, очень далеко. Европейская же часть венгерской истории тем более должна была осознаваться как результат собственных усилий. Королевство удалось создать тем, кого принцип «где родился – там и пригодился» на тот момент не удовлетворял.

Характеристика

«...вблизи – венгры кажутся самым высокомерным народом. А издали... издали их не видно».

Петер Эстерхази. *Harmonia caelestis*

Завоевание Родины. Продолжение

Самостоятельной истории Венгрии отпущено было немного: вполне активное, живое и деятельное Венгерское королевство пережило пик расцвета в XIV веке при короле Лайоше I (Людовик I Великий), когда его территория охватывала земли от Балкан до Балтийского моря и от Черного моря до Адриатического, и в XV веке при короле Матьяше, превратившем свой двор в центр ренессансной культуры.

Толковый реформатор, бесстрашный и агрессивный полководец, хитрый политик, образованный и ценящий культуру меценат, Матьяш был подлинным человеком эпохи Возрождения. Живи Макиавелли не во Флоренции, а в Буде, «Государь» мог быть бы написан с венгерского короля. Его портрет можно видеть на венгерской купюре в тысячу форинтов: властное, умное, безбородое лицо с тяжёлым подбородком и орлиным носом, кудри до плеч, лавровый венок. Он добился усиления королевской власти, урезав права местных баронов, и в народной памяти остался «Матьяшем добрым» и «Матьяшем справедливым». Ему удалось выкупить у Габсбургов корону Святого Иштвана, оказавшуюся в Австрии за четверть века до того, во времена очередной неразберихи с престолонаследием. Он воевал с турецким султаном и с императором Священной Римской империи, взял штурмом Вену, заключил в крепость Влада Цепеша, более известного как Дракула, и пытался – правда, менее удачно – объединить Венгрию, Чехию, Австрию и Польшу для совместного противостояния Османской империи. После женитьбы Матьяша на дочери неаполитанского короля Беатрисе началось знакомство Венгрии с культурой итальянского Ренессанса. Библиотека короля, «Библиотека Корвина» или «Корвиниана», стала крупнейшим, за исключением Ватиканского, собранием книг в Европе. Сам он велел считать себя потомков римских императоров из династии Юлиев-Клавдиев и Энея, и запомнился Европе как «последний рыцарь». Одна беда: Матьяш не оставил наследника.

После смерти короля в 1490 году в стране начались раздоры, феодальные распри, крестьянские восстания. И кровавые подавления крестьянских восстаний. Что было не только несправедливо, но и крайне недальновидно: на юге Европы уже столетие как зрела новая сила. Турки-османы уже разгромили Византию, уже взяли Константинополь (1453) и намеревались двигаться дальше. Дальше на их пути лежала Венгрия.

И 29 августа 1526 года у города Мохач армия Сулеймана Великолепного полностью разгромила объединённое венгро-чешско-хорватское войско. То была первая венгерская катастрофа.

«...битва произошла на болотистой, растянувшейся на шесть миль равнине и западу от Дуная – на месте, выбранном для того, чтобы могла развернуться венгерская кавалерия, но предоставляющем такие же возможности более профессиональной и более многочисленной кавалерии турок. Узнав об этом безрассудном решении, дальновидный и умный прелат предсказал, что „венгерская нация будет иметь в день битвы двадцать тысяч мертвецов и было бы хорошо, чтобы папа канонизировал их“. (...) Король Венгрии погиб на поле боя, пытаясь бежать с раной, полученной в голову. Его тело, опознанное по драгоценным камням на шлеме, было обнаружено в болоте, где, затянутый тяжестью собственной брони, он утонул под своей упавшей лошадей. Его королевство умерло вместе с ним, поскольку у него не было наследника; погибла и большая часть мадьярской знати и восемь епископов. Утверждают, что Сулейман выразил рыцарское сожаление по поводу смерти короля: „Пусть Аллах будет снисходителен к нему и накажет тех, кто обманул его неопытностью: в мои желания и не входило, чтобы он так прекратил свой путь, когда он едва лишь попробовал вкус сладости жизни и королевской власти“» (Л. Кинросс).

Фактически на полтора столетия Венгрия исчезла с карты Европы. Одна часть её территории оказалась под властью турок, став частью Османской империи. Вторая, «Королевская

Венгрия» со столицей в Прессбурге (Пожони) признала своими королями Габсбургов. И только Восточно-Венгерское королевство Яноша Запольяи сохраняло относительную и непрочную независимость. Буда, занятая турками в 1541 году, превратилась в столицу «Будинского пашалыка», *Budai vilájet*. Турки, кстати, и сейчас называют Венгрию *Macaristan*, Маджаристан, с многозначительным «стан» в конце слова.

Хотя в исторической мифологии Венгрии турецкое нашествие выполняет примерно ту же функцию, что татаро-монгольское – в русской, о тяготах ига здесь следует говорить с осторожностью. Крестьянство, замученное собственными феодалами, зачастую рассматривало турок как освободителей. Героическая история обороны города Эгер в 1552 году – страница славная, но единственная. Раздираемая внутренними противоречиями страна упала в руки турок, как падает с дерева перезревший плод.

Все это надо знать в общих чертах, чтобы представлять себе логику венгерской истории, но материальных следов её в живом городе почти нет. Те же, что есть – или спрятаны от посторонних глаз, как готическая капелла в глубине Замоквого холма, куда путь ведёт через помещения Музея истории Будапешта, или представляют собой романтическую реконструкцию на тему истории, как кажущаяся с первого взгляда средневековой церковь Матьяша.

Наследие давней эпохи, между тем, существует, и сталкивается с ним не только житель города, но и приезжий, на каждом шагу. Существует – в преломлённом, преобразованном жизнью виде. Вольно или невольно, но турки сделали для Венгрии три хороших дела. Во-первых, научили пить кофе. Венгрия – кофейная, не чайная страна, и Будапешт – вполне кофейный город, что станет особенно очевидно во времена расцвета города во второй половине XIX века, когда на каждую тысячу человек Будапешта, включая малых детей, станет приходиться по крайней мере одна кофейня. Кроме того, именно с турецкого времени формируется здесь культура купания. Мадьяры, пришедшие на берега Дуная в IX веке, как все кочевники-скотоводы, к купанию были глубоко равнодушны: умыться – смыть удачу. А мусульманам-туркам омовение предписано религиозным ритуалом. Они оценили по достоинству горячие источники Буды, и постепенно этот обычай вошёл в употребление и у самих местных жителей. Наконец, турки прикрыли собой Венгрию от потрясений Реформации. Сравнительно низкий градус венгерской религиозности, видимо, имеет и это объяснение: пока вся Европа билась не на жизнь, а на смерть за «истинную веру», истину понимая различно, у венгров были иные заботы. А потом – потом страсти постепенно улеглись, и разделение на католиков и протестантов в Венгрии очевидно выглядит как проекция разделения чисто политического – на тех, кто за Габсбургов, и на тех, кто против.

Турецкое господство продолжалось с начала XVI до конца XVII века. Между тем в городе нет монументов, репрезентирующих эту страницу венгерской истории как трагическую. Не считать же таковыми главные памятники той эпохи – построенные турками в XVI столетии и с удовольствием используемые и сейчас купальни. Зато имеется трудно представимый в другой культуре объект – символический надгробный памятник последнему будайскому паше, Абдурахман Абди Арнауту, павшему 2 сентября 1686 года, с саблей в руках, в семидесятилетнем возрасте. «Героический был противник, мир его праху» – написано на плите, установленной в 1932 году.

Турок выбили в конце XVII века австрийцы, точнее союзнические войска Священной лиги во главе с Карлом Лотарингским (памятник перед Королевским дворцом изображает, однако, не его, а Евгения Савойского, одержавшего окончательную победу над турками при Зенте в 1697 году). Парадоксальным образом город пострадал при освобождении австрийцами (1686) больше, чем при взятии турками за 145 лет до того. Сменилось вооружение – и уже обладающие артиллерией освободители не оставили в Буде и Пеште камня на камне, разрушив, среди прочего, и Королевский дворец: «Нет ни единой крыши, ни единой комнаты, ни даже деревянной балки: все до основания, до подвала сгорело», как писал современник.

Итак, в конце XVII века венгры освободились от господства турецкого – но только для того, чтобы попасть под господство австрийское. Так эта ситуация выглядит издалека, из той исторической перспективы, где оттенки теряются, и приходится оперировать общими категориями: «венгры», «турки», «австрийцы», «завоевание», «освобождение». В реальности все было намного сложнее, запутаннее и противоречивей. Случалось венграм воевать и в союзе с австрийцами против турок (Миклош Зрини, полководец императора Фердинанда I, героически павший в бою с турками, защищая крепость Сигетвар; памятник ему – на площади Кодая), и в союзе с турками против австрийцев (Бетлен Габор, Иштван Бочкаи, Имре Тёкёли; их статуи – в монументе Тысячелетия между королём Матьяшем и князем Ракоци). Соответственно, и оценка этого этапа истории менялась в зависимости от политического положения момента: в разные эпохи Габсбургов можно было рассматривать как освободителей, как завоевателей, как колонизаторов, как боевых товарищей или как соседей по Европе.

С турецких времён и далее Венгрия оказывается в сфере влияния больших империй и государственных союзов, с мощью которых ей приходится считаться: турки, австрийцы, в XX веке – Советский Союз, в XXI – Европейский. И для всех эта маленькая страна – кость в горле. Туркам венгры устраивали бесконечные акты сопротивления, австрийцам – войны и революции, Советскому Союзу – кровавое восстание 1956 года. Конфронтация Венгрии с ЕС обходится, к счастью, без больших эксцессов, но, возможно, именно потому, что в Брюсселе учитывают печальный опыт Вены и Москвы. Во всяком случае, страна отстояла национальную валюту несмотря на то, что окончательный отказ от форинта и переход на евро были запланированы венгерским правительством сначала на 2010 год, затем на 2012 год. Да и в истории 2014 года с получением от России кредита на 10 миллиардов евро на постройку пятого и шестого блоков АЭС «Пакш» с реакторами по российской технологии Венгрия продемонстрировала заметную самостоятельность, как и в ситуации с принятой в 2012 году и вызвавшей критику Евросоюза новой Конституцией.

Про язык

Венгерский писатель Петер Надаш даёт чуть иную версию событий, приведших к утрате Венгрией независимости в XVI веке, напоминая о том, что в архаичном средневековом обществе понятие «страна» наполнялось куда меньшей конкретикой, чем в более поздние времена, и имело значительно меньше смысла, чем «деревня»:

«Кстати, следует пояснить, что когда местные говорят „деревня“, то понимают под этим не населённый пункт с конкретным географическим наименованием. Для них это синоним мира, как для французов, когда они говорят: *tout le monde* – все, весь свет. Деревня – это и есть „все“, а если кто-то в этот круг не входит, то, естественно, не имеет отношения и ко „всем“. В определённом смысле они ведут себя подобно жителям Спарты, Лесбоса, Афин и других греческих полисов, которые всех, исключая себя, считали варварами. Или некими животноподобными существами, которые не знают и не почитают их богов, не знают толком их языка, словом, нелюдями. Примерно так вела себя рекрутированная из немецких, польских, венгерских, чешских и итальянских наёмников средневековая армия, которой предстояло помериться силами – кстати, совсем недалеко от деревни – с грозными турками. В ночь перед битвой разноплеменные воины так перессорились, что повернули оружие друг против друга. Они не могли стерпеть, что другой, вместо нормальных слов, говорит что-то непонятное и не понимает их нормального человеческого языка. Перебив и разогнав друг друга, они открыли путь свирепому врагу, который за несколько веков почти дотла разорил эти края».

Успех давней экспедиции по поиску прародины не изменил положение и не отменил венгерское сиротство. И до, и после турецкого нашествия венгры оставались народом, живущим в самом центре Европы, в окружении народов романских, германских, славянских, не будучи родственниками никому из них.

«Отдельность» явлена была каждому, независимо от пола, возраста, социального положения и уровня образования: на этом, неиндоевропейском, языке вокруг не говорил никто. Вскоре венграм пришлось услышать и просвещённое мнение соседей. Иоганн Готфрид Гердер в сочинении «Идеи к философии истории человечества» и вовсе не оставлял венграм надежды на будущее: «... между славян, немцев, валахов и других народностей венгры составляют меньшую часть населения, так что через несколько веков, наверное, нельзя будет найти даже и самый их язык». Австрийский поэт и драматург Франц Грильпарцер писал в 1840 году: «У венгерского языка нет будущего. Его идиомы не соответствуют европейским понятиям, распространение этого языка ограничено несколькими миллионами преимущественно необразованных людей. Если бы Кант написал „Критику чистого разума“ по-венгерски, у него не нашлось бы и трех читателей. Венгр, говорящий только по-венгерски, остаётся мужланом, даже если обладает выдающимися способностями». Вполне фантастические представления об этом языке встречаются в науке и сейчас: «Венгерский язык не дисциплинирует его носителей в смысле необходимости тщательного исследования реальности. Более того, подобная лингвистическая гибкость просто подталкивает к импровизациям, и действительно венгры преуспели в создании длинных сказок и игнорировании реальных обстоятельств».

При этом языком государства и культуры в Венгрии удивительно долго оставалась латынь, в прочей Европе начавшая сдавать позиции со времён Реформации. Первая история венгерской литературы Давида Цвиттингера вышла в свет в 1711 году – на латыни; первая газета в 1725 году – тоже. Аристократия, тянувшаяся ко двору Марии Терезии, освоила немецкий и французский, но среднее дворянство говорило по-латыни ещё в начале XVIII века, оставляя венгерский необразованному простонародью. Латинский сохранял статус государственного языка королевства Венгрии до 1848 года. Впрочем, и в крестьянском венгерском латинский пласт венгерского языка прослеживается без труда и в XX веке. «Например, сорняк,

именуемый повсеместно пастушьей сумкой, называют каствеллой (по-латыни – *capsella bursa-pastoris*)», – замечает Петер Надаш в книге «Прогулка вокруг дикой груши».

В первой половине XIX века венгерскую общественность охватила идея «Обновления языка». Речь шла о возвращении образованной части общества к собственному национальному языку, которого она не знала, и о придании этому языку должного статуса – как языка литературы, науки, администрации.

Говорят, первую речь в Национальном собрании на венгерском языке произнёс граф Иштван Сечени, с которого вообще начинается тут многое – от судоходства до политических клубов, называемых словом *kaszinó* («Ты куда?» – «В казино». А сам конституцию сочиняет). Скандал получился грандиозный. Приличные люди, Цицерона наизусть цитируют, и тут вдруг... Язык – объективно – ещё не был приспособлен к выражению актуальных политических и экономических понятий; впрочем, латынь тоже. Осознание необходимости формирования собственного национального языка привело к созданию Академии наук и возникновению собственных поэтических и прозаических произведений, написанных сразу на венгерском. Одно из них – написанная в 1833 году поэтом Вёрёшмарти поэма про прекрасную Илонку, влюбившуюся в короля Матьяша. Приезжающие с поэтом знакомы благодаря скульптурной группе, изображающей Михая Вёрёшмарти с читателями на площади его же имени в Пеште, а с его персонажами – благодаря фонтану «Охота короля Матьяша» у стены Королевского дворца в Буде.

В тот момент в культуре Венгрии сложилась ситуация, более известная нам по собственному примеру. Сначала – цитата из сочинений Дёрдя Бешенея о венгерском языке, 1778 год: «Я дивлюсь, глядя на наш великий народ, который столь велик, благороден и стоек в защите других своих сокровищ, а родной язык, похоже, совсем забыл... Каждый народ обретает знание лишь на родном языке, на чужом же – никогда». Теперь – о языке русском: «...многие коренные и весьма знаменательные российские слова иные пришли совсем в забвение; другие, невзирая на богатство смысла своего, сделались для непривыкших к ним ушей странны и дики; третьи переменили совсем означенное и употребляются не в тех смыслах, в каких с начала употреблялись. Итак, с одной стороны в язык наш вводятся нелепые новости, а с другой – истребляются и забываются издревле принятые и многими веками утверждённые понятия». Так писал в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» адмирал Шишков, борец за чистоту русского языка, требуя вернуться к национальным истокам и избавиться от иностранных заимствований. Но преуспел не слишком; собственно, он и знаком-то большинству благодаря пародийной фразе «Хорошилище грядёт по гульбище на позорище», которой будто бы предлагал заменить фразу «Франт идёт по бульвару в театр», да по упоминанию в «Евгении Онегине». Александр Пушкин к затее адмирала отнёсся юмористически («Шишков, прости: Не знаю, как перевести»), Карамзин не поддержал, «арзамасцы» посмеялись, и развитие русского языка обошлось без крайностей изоляционизма.

В Венгрии же победили «Шишковы», и весьма значительная часть попавших в язык иностранных слов была переведена на венгерский: категорично, искусственно, насильственно – но успешно. Если б Шишков действительно предлагал заменить «франта» на «хорошилище», то достижения венгров, переделавших «театр» в *színház*, «дом представлений», и «бульвар» в *körút*, «круговую дорогу», его бы порадовали. «Обновление языка» в начале XIX века коснулось прежде всего корпуса слов, в рамках европейской культуры интернациональных: теперь здесь и аптека – не аптека, а *gyógyszertár*, дьодьсертар, и полиция – не полиция, а *tendőrség*, рендёршэг. Компьютер – и тот *számítógép*, самитогэп.

Энтузиазм был всеобщий: «Господин Жигмонд Терек, ходатай по делам обедневших дворян, обещает выплатить 20 форинтов тому патриоту, который переведёт на венгерский язык „О духе законов” Монтескье. Расходы по изданию книги он берет на себя».

И национальная Академия наук была создана в те же времена и с той же целью: развитие венгерского языка называлось первой из её задач. Инициатива принадлежала все тому же графу Иштвану Сечени; он отдал на учреждение «Учёного общества» годовой доход со своих имений. Здание Академии, построенное позднее, уже в начале 1860-х, на набережной возле Цепного моста поставлено эффектно, заметно издалека... Его можно считать первым шагом к тому стилю, что станет главенствующим в Будапеште австро-венгерских времён. Вслед за литературой архитектура Венгрии начинает поиск собственного языка, и очень скоро его найдёт.

Таким образом, тот факт, что в центре Европы по сегодняшний день сохраняется живой язык, не похожий ни на один соседский, имеет объяснение не только в историческом прошлом времен Великого переселения народов, но в сознательной культурной деятельности ряда литераторов, среди которых на первом месте – Ференц Казинци (1759–1831), старший современник нашего Карамзина, масон, издатель журналов «Орфей» и «Венгерский музей», переводивший мировую классику от Мольера до Стерна: он первым, в 1790 году, перевёл на венгерский, например, шекспировского «Гамлета».

А часто звучащая характеристика венгерского языка как не просто непонятного, но «инопланетного», «марсианского» имеет, похоже, конкретного автора. Фридрих Георг Хоутерманс, немецкий учёный, специалист по ядерной физике и космохимии, назвал марсианами венгерских гениев, работавший в 1930-е годы в Америке. Это были: Дьердь де Хевеши (Hevesy György), лауреат Нобелевской премии по химии; Теодор фон Карман (Kármán Tódor), инженер и физик воздухоплавания, дальний потомок Иегуды бен Бецалея, основатель Международной академии астронавтики и Фон Кармановского института; Майкл Полани (Polányi Mihály), физик, химик и философ; Лео Силард (Szilárd Leó), один из создателей первого ядерного реактора; Юджин Вигнер (Wigner Jenő Pál), физик и математик, лауреат Нобелевской премии по физике; Джон фон Нейман (Neumann János Lajos), математик, с именем которого связывают архитектуру большинства современных компьютеров; Эдвард Теллер (Teller Ede), физик-теоретик, один из первых сотрудников Манхэттенского проекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.